

Крутой русский детектив

ДЕТЕКТИВ

Артем Черкизов

МАЛЫШ УБИЙЦА

СЛЕД НА ЗОЛОТОМ ПЕСКЕ

Малыш убийца

Артем Черкизов

След на золотом песке

«ХАРВЕСТ»

2015

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

Черкизов А.

След на золотом песке / А. Черкизов — «ХАРВЕСТ»,
2015 — (Малыш убийца)

ISBN 978-985-18-3560-3

Остросюжетный криминальный роман об удивительных приключениях профессионального киллера по прозвищу «Малыш». Необычный супермен с внешностью подростка скрывается от милиции в православной общине, обитающей в заброшенном сибирском поселке. В этом отдаленном уголке, который его основатель – отец Александр – называет «городом Солнца», происходят совершенно невероятные и трагические события. Они не дают Малышу насладиться тишиной и красотами природы и вынуждают его заняться привычным для него ремеслом – калечить и убивать. Как и предыдущие романы Артема Черкизова из серии «Малыш убийца», это произведение увлечет читателя своей запутанной интригой и головокружительными подвигами главного героя.

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

ISBN 978-985-18-3560-3

© Черкизов А., 2015
© ХАРВЕСТ, 2015

Артем Черкизов

Мальш убийца. След на золотом песке

Мучительно болело чуть ниже пупка. Мальш все время старался найти удобное положение тела. Но мешало дерганье вагона, который стремительно мчался по рельсам вслед за спаренными локомотивами неизвестно куда. Тем, кто вел головной локомотив, конечный пункт назначения был известен, но только не Мальшу, волею случая оказавшемуся на этом товарняке пассажиром.

Наконец ему удалось пристроиться таким образом, чтобы боль немного утихла. Монотонное постукивание колес начало действовать на него, как снотворное. Он прикрыл глаза, погружаясь в дремоту. Мальш уже забыл, когда он мог позволить себе по-настоящему расслабиться и поспать, дать организму хоть немного отдыха.

Здесь, в закутке товарного вагона, он был уверен в своем одиночестве и мог отрешиться от всех событий, что произошли с ним за последние дни. Ему сейчас позарез нужен был отдых. Впереди его ждало неизведанное, надо было набраться сил, чтобы быть готовым ко всему.

Сквозь кровавые сполохи в его сознании проносились лица тех, с кем он столкнулся прежде, чем выбрался из города. Он обошел все капканы, поставленные на него теми, кто жаждал увидеть его мертвым, таким неподвижным, закостенелым клиентом городского морга, в котором он нашел себе пристанище последние месяцы. Иногда вдруг какой-нибудь эпизод всплывал в его затуманенном дремотой сознании, и он отчетливо видел каждую мелочь.

... Вот он видит себя выходящим из здания морга. На улице пустынно, нет никого. Вот он идет по тротуару и... каким-то чутьем, боковым зрением вдруг замечает едва заметное движение сбоку, чуть сзади, с той стороны, где примостились у тротуара киоски. И сразу же тело, не дожидаясь сигнала, разворачивается в ту сторону. Срабатывает многолетняя, отработанная до автоматизма длительными тренировками привычка реагировать на потенциальную опасность, не думая, не анализируя. Эта привычка много раз уже спасала ему жизнь. Он выигрывал благодаря ей иногда сотые доли секунды, но именно их ему и хватало, чтобы уклониться от смертельного удара или пули.

На этот раз ему повезло меньше, но все же он остался жив благодаря счастливой случайности. Не развернись он вовремя к тому, кто нажал курок пистолета, то лежал бы сейчас на одном из больших оцинкованных столов в здании, откуда только что вышел.

Спас его пистолет, который он заткнул за брючный пояс спереди. Пуля попала точно в него. Конечно, если бы она летела прямо, то кусок металла не смог бы стать для нее препятствием, но она летела под небольшим углом и поэтому срикошетила. Но удар был такой силы (стреляли с близкого расстояния, почти в упор), что он на какое-то время потерял сознание и упал на асфальт. Тот, кто стрелял, был уверен, что он мертв. И поэтому, не опасаясь, направился к Мальшу.

Сквозь туман Мальш, продолжая лежать неподвижно, видел приближающийся темный силуэт. Потом весь обзор заслонило деформированное замутненным сознанием лицо, которое постепенно приобретало четкие линии. Склонившийся над ним человек оказался совсем молодым парнем, одетым в форму мента с лейтенантскими погонами. Взгляд его был испуганным, словно он стрелял в Мальша не целясь, а так, совершенно случайно.

Откуда-то донесся шум мотора, потом шаги бежавших в их сторону людей. Автоматически Мальш отметил, что их было двое. Он по-прежнему старался не подавать признаков жизни. Что-что, а притворяться мертвым он умел.

Лицо лейтенанта сменилось другим, на этот раз Мальш сразу же узнал судмедэксперта из морга.

«Вероятно, он сегодня дежурит и как раз в это время приехал с вызова», – мелькнуло в голове у Малыша.

– Да это же Малыш! Он у нас в морге работает санитаром!

Судмедэксперт отодвинул в сторону лейтенанта и склонился к Малышу. Профессиональным движением прижал руку к шее, проверяя, есть ли пульс.

– Жив, – сообщил он.

– Жив? – голос лейтенанта испуганно дрогнул, словно он не верил в то, что после выстрела с такого близкого расстояния обычный человек может остаться жив.

У Малыша все раздирало внутри от боли, но он понимал, что если он сейчас что-нибудь не предпримет, то его песенка будет спета. На этот раз его живым уже не выпустят. Уж очень старательно они его в этом городе доставали. Да и он не оставался в долгу. Тем более пока фактор внезапности был на его стороне. Противники были уверены, что если он и жив, то совершенно беспомощен и не способен на какие-то активные действия.

– Куда ты его? – спросил у лейтенанта судмедэксперт. Он никак не мог понять, почему в это утро у него на глазах какой-то незнакомый милиционер пристрелил тихого парня, не отличившегося за время работы в морге ничем, разве что исполнительностью.

– Не знаю, – голос лейтенанта по-прежнему дрожал.

– Крови нет. А что он такого натворил? Ты по нему, как по мишени в тире. Он год почти у нас работает, и всегда такой тихий.

– В тихом омуте черти водятся, – лейтенант сплюнул. – Из-за него сейчас весь город на ушах стоит, – в голосе лейтенанта звучали оправдательные нотки. – Он столько положил наших, что можно на роту расписать. Я его совсем случайно вычислил. У вас в машине рация есть?

– Нет, мы люди небогатые, а что?

Это был уже голос третьего, который стоял немного в стороне. Его Малыш не мог видеть, для этого ему надо было бы повернуть голову в сторону говорившего.

– Надо немедленно сообщить в городской отдел, – лейтенант кивнул в сторону здания морга. – Там телефон есть?

– Есть, – ответил судмедэксперт, который пока еще не переварил до конца ту информацию о Малыше, которую выдал ему сейчас лейтенант. – В кабинете дежурного. Но он закрыт.

– Пошли, откроешь мне, а ты присмотри тут. До приезда оперативной группы его лучше не трогать, пусть тут и лежит.

Лейтенант по-прежнему был уверен в том, что если Малыш и жив после его выстрела, то самостоятельно вряд ли сможет пошевелить даже пальцем.

– Может, ему хоть перевязку сделать? – сработал профессиональный инстинкт у судмедэксперта. – Хотя никак не пойму, куда ты ему врезал, крови совсем нет.

– Черт с ним, что ты за него переживаешь, словно он твой родственник! – отрезал лейтенант. – Все равно ему крышка, так и так вышка светит. – Голос у него уже не дрожал. – Подохнет самостоятельно, меньше хлопот будет. Такие до суда не доживают.

Последний аргумент окончательно убедил судмедэксперта в том, что все происходящее у него на глазах не сон и что надо делать то, что требует от него этот лейтенант. Он уже прикинул, какие неприятности его ждут в дальнейшем, если лейтенант не врет насчет Малыша. И послушно направился к зданию, забыв о своем желании хоть чем-то помочь полумертвому, как они все думали, Малышу.

«Хорошо, что рано, нет прохожих», – думал Малыш, пытаясь определить, как далеко от него стоит третий, оставшийся его охранять. Его по-прежнему мучила непрекращающаяся боль, но Малыш знал: если он до сих пор жив, то значит, уже не умрет. И значит, может действовать. Надо лишь только пересилить эту боль. Не обращать на нее внимания. А это он тоже умел.

«Конечно, звук выстрела слышали те, кто живет поблизости, но бояться высовываться. Сейчас любопытство у обывателя не в почете, оно может обернуться большими неприятностями. Вот подъедет бригада, тогда они все повылезают».

Третий, на попечении которого его оставили, топтался где-то рядом. Но Малыш ждал, когда наблюдатель приблизится к нему. А тот все не отваживался сделать этих несколько жизненно важных для Малыша шагов, хотя живому всегда хочется посмотреть в лицо умирающему, чтобы увидеть, что же происходит в момент прихода смерти с человеком. Извечная загадка, ответ на которую ищут тысячелетия.

«Надо помочь ему, – решил Малыш и едва слышно простонал. – Ага, кажется, клюнул!..»

...Товарняк промчался мимо какой-то небольшой станции, не останавливаясь на ней, но все равно обостренное чувство самосохранения сразу же вывело Малыша из состояния дремы, и видения рассеялись. Он прислушался, но понял, что ничего за это время вокруг него не изменилось. Все так же монотонно стучали колеса, все так же подрагивал вагон, ставший его временным убежищем, и он снова погрузился в пьянящую дрему. Малышу казалось, что он даже ощущает, как постепенно его мышцы покидает та свинцовая скованность, что появляется от смертельной усталости. Стоило ему закрыть глаза, и видения начали прокручиваться перед ним дальше, точно с того момента, на котором прервались.

Третий шагнул к нему и слегка наклонился, чтобы лучше видеть его лицо. Именно этого от него Малыш и добивался. Если бы не раздирающая боль, он давно бы покончил с третьим, но теперь ему приходилось опасаться, что его тело, такой послушный до сих пор механизм, может в самый ответственный момент подвести. А ошибаться ему сейчас нельзя было. На кону стояла жизнь. И он должен был выиграть эту ставку. Во что бы то ни стало.

Увидев сквозь узенькие щелки склоненное над ним лицо, он простонал еще раз, не открывая глаз, и чуть шевельнул губами, словно хотел что-то сказать. Этот трюк также сработал безотказно. Третий склонился к нему еще ниже, чтобы расслышать последние слова умирающего. Ведь его недаром натаскивали, что последние слова умирающего преступника могут быть именно теми важными словами, той информацией, ради которой и доставали его так долго и с таким упорством.

Как только лицо третьего оказалось на расстоянии вытянутой руки, Малыш резким движением выкинул вверх обе руки и изо всех сил, преодолевая боль, сдавил пальцы на его горле. Маска любопытства на побагровевшем лице третьего сменилась недоумением, потом испугом, глаза его увеличивались в объеме, вылезая из орбит, он попытался высвободиться, но было уже поздно. Если бы он это сделал сразу, то смог бы вывернуться от Малыша, силы которого съела адская боль в животе, но эффект неожиданности сработал в пользу последнего. Третий захрипел и отключился, рухнув прямо на Малыша.

Скинув его тело со своего, Малыш приподнял голову и посмотрел в сторону здания и машины, которая стояла рядом со входом в морг. Как он и предполагал, это была дежурка, в которой обычно судмедэксперты выезжали на вызов. В кабине машины никого не было. Это была удача!

Малыш тяжело поднялся с тротуара и направился к машине. Ключ был на месте, видимо, третий был и за водителя. Малыш не забыл вытащить у него из кобуры пистолет, по дороге проверил, на месте ли обойма. Сейчас он чувствовал себя столетним старцем, с таким трудом ему давалось каждое движение. Но он знал: самое трудное – это преодолеть боль в первые минуты, потом она отступит, сдастся, почувствовав, что тело, в которое она вселилась, сильнее ее. Так бывало уже не раз. Другой уже давно на его месте истлевал бы в безымянной могиле, однажды поддавшись боли и не сумев ее преодолеть.

Машина завелась не сразу, но Малыш не паниковал. Теперь, когда он сидел в ней, ему казалось, что все у него получится, что самое трудное уже позади. Он даже не смотрел в сторону выхода из морга. И машина завелась именно в тот момент, когда дверь распахнулась и

оттуда вышли лейтенант и судмедэксперт. Малыш еще успел увидеть на их лицах неподдельное изумление, когда он проезжал мимо. Еще он успел заметить, как рванулась к кобуре с пистолетом рука молодого лейтенанта. А потом резкий поворот, и события последних тридцати минут остались позади, напоминая о себе лишь болью, которая и в самом деле как-то притупилась, смирившись с тем, что на нее не обращают внимания.

Пока у Малыша не было конкретного плана, куда ехать. Он просто вел машину по улицам, на которых просыпалась жизнь. Он понимал, что в запасе у него совсем немного времени, может быть, минут двадцать, пока те двое ринутся звонить обратно в кабинет дежурного судмедэксперта на третьем этаже, пока сообщат куда следует о том, что мнимый мертвец вдруг ожил и сбежал, вырубив своего сторожа, пока дадут наводку всем городским постам ГАИ и патрульным. Понятно, что его даже по самой захудалой дороге не выпустят из города, выезды перекрыты уже давно. И все же он направлял машину к кольцевой дороге, которая была как бы границей города. Когда он проезжал по мосту, медленно движущийся длинный товарняк и подсказал ему сумасшедшую мысль. Но именно в ней, он это сразу понял, и было его спасение. Возможно, это был тот самый шанс, один из ста.

Не останавливая машины, Малыш выскочил из кабины и одним движением перемахнул через невысокое ограждение моста. Внизу как раз тянулось длинное змеевидное тело поезда. Он прицелился и прыгнул с высоты примерно шести метров на крышу вагона, что был под ним. Когда-то такой прыжок был для него всего лишь детской забавой. А сейчас он лишь чудом не потерял равновесия и не скатился вниз, под колеса, потому что опять полоснула боль в животе. Он сразу же залег на крыше, прижался к ней и ползком добрался до пропасти, что отделяла этот вагон от следующего. Да, сейчас для него эти несчастные полтора-два метра были самой настоящей пропастью. Но он должен был ее преодолеть, чтобы спрятаться среди груза соседнего вагона, пока его случайно кто-нибудь не увидел.

Находясь уже за многие километры от города, Малыш не предполагал, что его маневр удался на все сто. Никто не видел в этот ранний час, как он выпрыгнул из машины. Тем более никто не видел, как он перебирался с вагона, на крышу которого удачно приземлился, в соседний. Не мог он знать и о том, как велико было удивление гаишников, которые прибыли на место аварии, происшедшей сразу же при въезде на мост, и обнаружили в виновнице аварии ту самую машину, на которую только что получили данные. Оставшись без управления, машина выехала на встречную полосу и в нее врезалась неповоротливая фура, незадачливый водитель которой не успел вовремя отвернуть от выскочившего прямо на него милицейского рафика.

Также не мог он знать и о досаде тех, кто с таким усердием ставил на него засаду. Дичь, за которой они гонялись, исчезла, растворилась, не оставив ни единого следа, ни даже самой тоненькой ниточки, за которую можно было бы ухватиться. Правда, справедливости ради, надо отметить, что через некоторое время кому-то все же пришла мысль о том, что преступник мог покинуть черту города на поезде, ведь железнодорожные пути проходили как раз тут, под мостом, но на каком именно, куда, в какую сторону?

Это надо было вычислить, труд кропотливый и требующий времени, а оно не стояло на месте, оно шло, двигалось так же, как двигался и товарняк, на котором все дальше и дальше удалялся от смертельной опасности Малыш.

То, что среди его преследователей есть далеко не дураки, сознавал и сам беглец. Но он также знал, что у него есть достаточное количество времени, чтобы не дергаться. Пока они вычислят этот товарняк, Малыша уже на нем не будет. Все, его след для них окончательно потерялся, возможно даже, что они вообще бросят его искать, выжидая момент, когда он появится снова. Ведь Малыш относился к той категории людей, которые не могут пропасть бесследно. Но все это было впереди, а пока он имел полное право расслабиться...

Малыш не заметил, когда лента видений кончилась, и мозг его погрузился в самый настоящий сон, который не прерывался ничем, потому что товарняк совершал свой самый длинный

перегон и до ближайшей станции, где он должен был сделать остановку, оставалось еще не менее двух часов.

Обычно Малыш спал без сновидений, но в этот раз к нему во сне явился образ покойного отца. Тот появился именно таким, каким помнил его Малыш – маленький, сухонький, невозмутимый старичок-кореец, сидевший на потрепанном коврике, с которым он никогда не расставался во время постоянных переездов с маленькой цирковой труппой.

Этот коврик был единственной вещью, как рассказывал ему отец, сохранившейся после бегства с далекой родины. Отец этим незатейливым ковриком очень дорожил, и когда однажды вагончик, в котором они жили, загорелся, он бросился спасать его, рискуя навсегда остаться в пламени. Однако он спас его. Лишь края немного обгорели.

– Пока он со мной, я жив, – говорил он Малышу.

Вот и сейчас он снился ему с этим ковриком, хотя Малыш так и не помнил, исчез коврик до смерти отца (и это послужило причиной его смерти) или после того, как умер отец. Просто вместе со смертью отца исчез и коврик.

– Здравствуй, отец, – сказал Малыш.

– Здравствуй, сын, – невозмутимо ответил ему старичок, ожидая продолжения разговора.

– Как ты там? – после паузы, поняв, что отец первым не заговорит, спросил у него Малыш.

– Я хорошо, а вот у тебя, я вижу, дела идут не очень.

– Да, – согласился Малыш, – с тех пор, как тебя не стало, мне приходится трудно.

– Ну рано или поздно, даже если бы я жил до сих пор, ты все равно стал бы самостоятельным человеком и мое мнение уже не играло бы решающей роли в твоих поступках, – усмехнулся отец.

– Но ты мог бы давать советы, я ведь был послушным сыном, – возразил ему Малыш. – Возможно, тогда моя жизнь пошла бы по иному руслу.

– Возможно, – согласился отец и снова замолчал.

– Ну тогда дай мне совет, что мне делать дальше?

– Остановиться на время, прислушаться к себе, – отец стал вдруг медленно растворяться в темноте, из которой он перед этим появился, но голос по-прежнему звучал так, что Малыш его слышал. – Ты научился отстраняться от суеты, что кипит вокруг тебя, она тебя засасывает, не дает тебе возможности до конца быть самим собой, ты становишься рабом этой суеты.

Голос отца неожиданно пропал, и сколько Малыш ни ждал, что он снова зазвучит, ответом ему была лишь тишина. Он открыл глаза и понял, что спал. За много лет ему впервые приснился отец. Возможно, впервые с тех пор, как он умер. Малыш, как ни вспоминал, так и не мог вспомнить подобного сна. Ему стало даже стыдно, ведь он в последнее время вообще не вспоминал отца. И вот тот сам решил напомнить о себе.

Боли он почти не чувствовал. Как будто сон, в котором он увидел отца, подействовал на него, как лекарство. Малыш приподнялся, вылез из своего закутка и забрался на ящики, которыми был заполнен вагон. Высунувшись наружу, он понял, что товарняк приближается к какой-то крупной станции.

«Кажется, надо с ним попрощаться, – подумал он о вагоне, который стал его спасением. – Пора искать новое средство передвижения». Малыш пока еще не думал, куда он направляется. Для начала он хотел бы узнать, куда он вообще попал. А там уже будет думать, что делать дальше.

Он критически осмотрел себя. «Все меня примут за бомжа, – усмехнулся он про себя. – Это плохо, любой встречный мент может потребовать документы. Надо что-то придумать».

Малыш осмотрел свои карманы и нашел в них деньги, которые брал с собой, выходя в это злосчастное утро из своего убежища в морге. Все остальное осталось там. «Вот кому-то из ментов повезет, когда будут делать обыск. Наверняка ведь заживят, – подумал Малыш. – После моего исчезновения это уже не вещественные доказательства. А там есть на что посмотреть».

Он пересчитал деньги. «Кажется, на эту сумму можно привести себя в более или менее приличный вид, – решил он. Главное – без приключений добраться до первого магазина, торгующего шмотками».

Товарняк резко сбавил скорость, подъезжая к населенному пункту, и дальше потащился медленно, как огромный сытый удав, проглотивший на охоте по меньшей мере теленка.

Малыш всматривался в проплывающие мимо пригородные постройки, понимая по их численности и виду, что городок, куда забросила его судьба, не относится, по всей видимости, к самым маленьким. Это было хорошо, Малыш не любил маленьких городков, где все друг друга знают, как облупленные, и где каждое новое лицо сразу же привлекает к себе внимание. В большом городе всегда легче затеряться в толпе. Даже в таком непрезентабельном виде, какой был у него сейчас.

«Конечно, – думал он, – товарняк припаркуется не на первый путь железнодорожного вокзала, так что я все равно не смогу увидеть вывески с названием города. Засунут его куда-нибудь к черту на кулички, как обычно поступают с товарняками, потом придется оттуда добираться до цивилизованного места пешком. Не лучше ли мне соскочить где-нибудь поблизости от цивилизации, пока он тащится еле-еле?»

Он решил так и сделать. Но прежде достал ствол, который реквизировал у мента, оставшегося на свою беду сторожить его у морга, и любовно подкинул на ладони это смертоносное творение человеческого разума, прикидывая, брать его с собой или нет.

«Штука, прямо скажем, с одной стороны, очень даже полезная, – думал он, – но с другой стороны, столь же и опасная. Палка о двух концах».

Пистолет хорош в определенных ситуациях, например, когда против тебя много врагов. Но он не думал, что в ближайшее время такое может случиться. А отбиться от пары-тройки он в состоянии и голыми руками. А вот если его остановит какой-нибудь блюститель правопорядка, то пистолет может сыграть с ним плохую шутку. Тогда уж точно начнут выяснять, где он его взял, кто он такой, откуда появился, будут посылать во все стороны его приметы. Нет, решил он, придется с пистолетом все же расстаться, как это ни печально.

Малыш вздохнул и с некоторым сожалением сунул ствол в глубокую щель между ящиками. «Ладно, пусть покоится здесь, пока его кто-нибудь не обнаружит, – решил он про себя. – Понадобится – найду еще. Сейчас оружие можно найти везде, было бы желание и бабки. Только ленивый сегодня не сможет этого сделать. А я не ленивый».

Дождавшись, когда товарняк пополз среди жилых кварталов, он вылез из вагона и спустился по невысокой проржавевшей железной лесенке, которая давно должна была бы отвалиться от стенки вагона, но чудом держалась. Он уже хотел соскочить на проплывавшую внизу землю, как товарняк резко дернулся. Малыш потерял равновесие, ткнулся в эту ржавую лесенку и чуть не взвыл от полоснувшей его боли. В глазах у него потемнело, рука разжалась, и он полетел на землю совсем не так, как предполагал это сделать пару минут назад. При падении он ко всему прочему еще и заработал себе ссадину, которая окончательно испортила его внешний облик.

Малыш долго лежал на земле, глядя, как совсем рядом проплывали по рельсам колеса товарняка. Потом осторожно поднялся и прислушался к тому, что делается у него внутри. Боль не прошла, но притихла, словно хищный зверь, выжидающий в засаде, чтобы вновь неожиданным прыжком опрокинуть свою жертву и уже окончательно ее добить.

«Шиш тебе, – мысленно сказал ей Малыш. – Со мной этот номер у тебя не пройдет, не на того напала».

Он побрел в сторону домов, надеясь, что там он сможет сориентироваться, куда двигаться дальше. В принципе, все города похожи друг на друга. Если говорят, что все дороги ведут в Рим, то в городе все улицы должны вести к центру.

Стало смеркаться. Это Малыша устраивало: чем темнее, тем меньше будет он светиться. С другой стороны, ему надо было успеть добраться до какого-нибудь магазина, торгующего одеждой. Он прикинул, что у него есть в запасе несколько часов.

Сначала он шел по улице, на которой ям и колдобин было куда больше, чем ровных мест. Потом она вышла на другую – на этой улице уже преобладал асфальт. Сунулся было с вопросом к какой-то дамочке, но она так шарахнулась от него, словно он ее насиловать собрался, а ей сообщили, что он болен СПИДом. «Видимо, я и впрямь сейчас страшен», – невесело усмехнулся про себя Малыш. Наконец какой-то мужик, к которому он подошел, подозрительно посмотрел на него и, держась на расстоянии, сказал, что он идет правильно, в сторону центра.

Стали попадаться коммерческие комки, ларьки, где шел торопливый сбор товара. Видимо, тут боялись торговать позже определенного времени. О названии города он не стал спрашивать. Еще примут за какого-нибудь сбежавшего из психушки больного и позвонят куда следует.

Зажглись первые фонари. Малыш стал беспокоиться, пора было бы и набрести на нужный магазин. Но все попадались какие-то продовольственные, хозяйственные и мебельные, словно в этом городе люди только ели, спали, сидели, забивали гвозди, но не одевались, хотя голые на улице ему пока не встречались. «Черт, что же это за город? – гадал он. – Сколько шагаю, как пехотинец, а до центра, по всей видимости, еще пилить и пилить».

Но вот он наконец вышел на ровную, широкую, всю в огнях улицу, прочитал, что это проспект товарища маршала по фамилии Жуков. И сразу же народ валом повалил ему навстречу. И первого мента он вовремя увидел. «Да, тут надо держать ушки на макушке, а то среди этого благополучия я как белая ворона, – мелькнуло у него в голове. – Не успею приобрести приличный вид, как заметут».

Он стал прижиматься к домам, чтобы быть незаметнее. И через пару десятков метров уткнулся именно в то, что так долго искал. Витрина магазина говорила всем прохожим, что тут человек, если у него есть бабки, может одеться с головы до ног. Малыш понимал, что ему с такой рожей надо бы в магазин попроще, да и деньги нужно экономить, но выбора не было, время поджимало, ведь надо было еще побеспокоиться о ночлеге. И он, решившись, шагнул в стеклянные двери. Его сторонились, словно он нес на себе целую армию вшей и блох.

– Вы что-то тут потеряли, мужчина?

Перед Малышом вырос плечистый и мордатый парень в вишневом пиджаке и с радиотелефоном в руке. Он угрожающе навис над Малышом, оттирая его от остальных посетителей магазина к выходу.

– Проблемы, Петя? – раздался тут же голос со стороны, и Малыш увидел еще такого же парня, похожего на Петю как две капли воды. – Помочь?

– Не надо, – ответил Петя. – Сам справлюсь.

«Да их тут целый дивизион, – Малыш заметил в торговом зале еще несколько Петиных двойников. И у каждого в руке был радиотелефон, и все они были плечистые, мордастые и в таких же вишневых пиджаках. – Охранники, как видно». Он прикинулся «шлангом».

– Да нет, я покупатель.

Эта фраза развеселила Петю.

– Ты, наверное, ошибся адресом, мужик, это не то заведение. Спиртное по соседству продают. Давай, дуй отсюда, пока по-хорошему тебя отпускаем.

– Да нет, я одеться хочу, – Малыш провел рукой по своему гардеробу. – Сам видишь, в каком я наряде, до первого мента.

Про ментов Малыш не боялся говорить, он знал, что все эти парни, которые обычно работают в охране магазинов, фирм, сами, как правило, связаны так или иначе с криминальным миром и ментов не уважают.

– Да у тебя бабок не хватит, мужик! – Петя опять ухмыльнулся. – Тебе в комиссионке надо одеваться.

Тогда Малыш вынул деньги и продемонстрировал их Пете.

– Мне кажется, хватит. Зеленые у вас берут?

При виде баксов взгляд Пети мгновенно изменился.

– У нас все берут – и доллары, и марочки, и родные деревянные. Главное, чтобы платили. Ладно, раз бабки есть, надо тебя обслужить. Только не здесь, в общем зале, всю клиентуру распугаешь. Пошли, отведу тебя в подсобку, подождешь там, принесу, что тебе надо.

Малыш двинулся под прикрытием Пети, который отгораживал его своим огромным телом от любопытных взглядов посетителей магазина, в сторону дверей, ведущих в подсобные помещения. Петя пропустил его вперед, кивнул в сторону маленькой дверцы.

– Туда.

Малыш толкнул дверь и очутился в так называемом предбаннике, откуда можно было попасть сразу на улицу, во дворик.

– Здесь подожди, – сказал Петя. – Тебе что принести? Какие шмотки?

– Ну, чтоб с виду попроще были, в глаза не бросались, – сказал Малыш. – Можно джинсовый костюм, куртку еще. И сумку небольшую.

– Все понял, – кивнул ему Петя. – Давай бабки, мне так не дадут, у нас тут строго.

Малыш недоверчиво посмотрел на него, он не спешил расставаться с последними деньгами.

– Не бойся, я из-за такой мелочи не хочу место терять, – понял его колебания Петя. – Сдачу принесу и чек из кассы. Сам проверишь, сколько чего стоит.

– А твой интерес в чем, что ты тут со мной возишься? – сузил глаза Малыш.

– Мой интерес заключается в десяти процентах от стоимости твоих покупок, – пояснил Петя. – Такое правило. Привел покупателя – получи проценты. Если покупатель сам пришел, будь с ним за зарплату вежлив.

– Так ведь я сам пришел.

– Поэтому я тебя сюда и припрятал. Теперь ты мой клиент, я тебя приведу! – Петя рассмеялся. – Давай бабки, время – деньги, я должен быть на посту в зале.

Малыш протянул ему деньги, они исчезли в огромной лапе Пети, который в свою очередь исчез вместе с ними за дверью, в которую они вошли. Малыш огляделся, заметил какой-то ящик и присел на него. «Надо было ему еще заказать какой-нибудь головной убор, – подумал он. – Прикрыть голову». Ему совсем недавно пришлось перекрасить волосы, чтобы изменить внешность. Но скоро волосы начнут отрастать, а он к тому же коротко пострижен, и сразу будет видно, что блондин он крашеный. Для мужика такая примета ни к чему.

Прошло пять минут, десять, полчаса, а Пети с вещами все не было. До Малыша стало доходить, что его просто-напросто кинули. И словно в подтверждение этому в предбанник вошли двое таких же амбалов, как Петя. В одном из них Малыш узнал того, кто предлагал Пете в торговом зале помощь. Они сделали страшно удивленный вид.

– А это что еще за явление народу? – воскликнул один из них. – Еще тут бомжей не хватало! А ну, брысь отсюда, плюгавенький! А не то в ментовку сдадим!

Эти двое подтвердили догадку Малыша, что Петя хорошо его разыграл. А теперь подслал своих дружков, чтобы они отшили его. Малыш поднялся с ящика, на котором сидел, и прикинул, что он может сделать против этих двух шкафов в вишневых пиджаках. На какое-то время он забыл, где находится, как выглядит и даже про боль в животе забыл. Дружки Пети почувствовали в его движении скрытую угрозу.

– Не советую дрыгаться, – один из парней подкинул на ладони небольшой кастет. – У тебя и так личико не в порядке, мы его еще больше украсим. А денег на пластические операции ты вряд ли сможешь заработать после близкого знакомства с нами.

– Или ты исчезаешь отсюда с концами, – добавил второй, демонстрируя радиотелефон, – или я вызываю ментовку, они тут по соседству обитают. Сначала мы тебя отделаем, а потом они добавят.

Малыш понял, что сейчас ему лучше уйти. Его не столько испугали эти двое и кастет (он смог бы вырубить обоих, тем более что в маленьком помещении ему было сподручнее, маленькому и верткому, чем этим двум амбалам, видимо, бывшим борцам), но вот упоминание о ментовке его остановило. Он молча повернулся и вышел на улицу. Сзади его догнал возглас одного из парней:

– Давно бы так, видно, не все мозги еще пропилил, соображаешь!

– И чтоб твоей морды больше тут никто не видел! – добавил второй.

Оба хохотнули. Малыш услышал, как защелкнулся внутренний замок на дверях.

«Отработанная схема, – подумал Малыш. – Видимо, я не первый попадаюсь». Он не собирался оставлять просто так свои бабки этому Пете. Без денег далеко не уйти. Да и просто Малыш не мог спокойно подумать о том, что мордастый Петя сейчас пересчитывает с довольной миной его бабки и посмеивается, выискивая глазами среди входящих в магазин такого же лопуха, как Малыш.

Дворик был небольшой и почти весь заполнен машинами, в основном иномарками. Видимо те, кто работал в этом магазине, имели хорошую зарплату. Вряд ли машины принадлежали жителям дома, в котором находился магазин. Малыш нашел темную нишу между двух выступов в стене и устроился в ней. Ждать он мог хоть сутками, причем ожидание его не утомляло. Оно являлось неотъемлемой частью работы, которой занимался когда-то Малыш, а заключалась эта работа в том, что за хорошие бабки он убивал тех, кого ему заказывали. Иногда приходилось сидеть и ждать свою жертву сутками, причем у него не было возможности есть, расслабиться, перекурить, как это описывают в романах или показывают в кино. Малыш за свою жизнь не выкурил ни единой сигареты. Наемному киллеру противопоказано курево. Запах табака, даже если ты куришь несколько часов назад, может выдать твое присутствие. Ведь убивать ему приходилось не только денежных тузов, политиков, но и таких же профи, как он сам, которые чем-то не угодили своим хозяевам или слишком много знали. Кстати, такая же участь ожидала и Малыша, но он ушел, опередив своих убийц.

В темноте Малыш видел прекрасно, как кошка. Зато его нельзя было разглядеть в этой темной нише даже с расстояния в два шага. Так он просидел часа два, наконец по тому, как стали появляться из дверей, откуда его выгнали, и направляться к машинам темные фигуры, он понял, что подошел конец рабочего дня в магазине. «А если, – подумал он, – у этого Пети нет машины и он пошел на общественный транспорт через парадный вход? Тогда прощай мои деньги. Нет, у такого машина обязательно должна быть! Без тачки к нему не будет никакого уважения».

Но пока ни в одной из выходящих фигур он Пети не узнавал. Вышли даже те двое, что вежливо попросили его убраться из предбанника, вышли им подобные, а Пети не было. И когда Малыш уже отчаялся увидеть своего обидчика, тот вышел, но не один, а с дамой. Дама, молоденькая продавщица, едва доставала ему до груди. Петя приобнял ее одной рукой, во второй нес сумку. Спутница Пети могла все испортить Малышу, она не входила в его планы. «А впрочем, – подумал он, – у меня нет выбора. Не отпускать же его с ней».

Петя двинулся к оставшимся машинам. Малыш приподнялся и уже приготовился шагнуть в их сторону, но притормозил, потому что Петя внезапно прижал свою спутницу к капоту ближайшей машины, почти положил ее на него и стал тискать, она же, судя по всему, ничего не имела против такого обхождения. Лишь шептала ему:

– Не надо здесь, Петенька, металл холодный, поехали к тебе.

Распаленный Петя не сразу остановился, видимо, и до него наконец дошло, что действительно на капоте машины не очень удобно заниматься тем, чем ему так хотелось заняться с новенькой.

– Ладно, – ответил он хриплым полупшепотом, отпуская ее из-под своего громадного тела, – на, открывай машину, сиди там и жди меня, а я сейчас заскочу тут к соседям, надо же нам с тобой чего-нибудь вкусенького на вечерочек взять.

Он сунул ключи от машины спутнице, сняв машину предварительно с охранной сигнализации, и направился в сторону узкого просвета между двумя зданиями, который выводил из двора на проспект. Малыш понял, что это как раз и есть то, что ему надо. Петя сдал ему козырную карту. Он неслышно приблизился сзади к девушке, которая открывала машину, легонько стукнул ее ребром ладони по шее у основания черепа, и она сразу же мешком соскользнула вниз. Малыш подхватил ее и посадил на заднее сиденье машины так, чтобы нельзя было сразу понять, спит она или притворяется. А сам спрятался рядом.

Через десять минут вернулся Петя. Он сразу же, как и рассчитывал Малыш, ввалился на место водителя, кинув на соседнее сиденье сумку, в которой что-то звякнуло, и завел мотор. Ключ Малыш заранее сунул в зажигание, но Петя воспринял этот факт как само собой разумеющийся, словно его спутница и должна была так поступить. Малышу было важно, чтобы Петя как можно меньше смотрел назад, где она сидела, хотя бы то время, пока заводил машину и трогался с места.

– Ты что на заднее полезла? – спросил Петя. – Что молчишь? Ты что, уснула? Ну ты даешь!

Петя не мог оглянуться и попристальнее взглянуть на молчавшую подругу, потому что как раз выехал на проспект, где движение было очень активное.

– Ладно, отдыхай, впереди тебя ждет трудная работенка! – засмеялся он. – Тебе понадобятся силы.

Малыш терпеливо ждал своего часа, согнувшись сзади в три погибели. Сейчас он жалел, что оставил ствол в товарном вагоне среди ящиков. Наверняка Петя вел бы себя тогда более скромно. Он надеялся, что ехать не придется слишком долго, ведь он отключил девчонку так, слегка, и она могла прийти в себя в любой момент.

– Ну, крошка, вот мы и дома, – услышал он голос Пети. – Просыпайся!

Машина остановилась, Петя заглушил мотор и повернулся к спутнице. Малыш знал, что ему надо действовать быстро и результативно. Масса этого бугая раза в два с половиной превышала массу Малыша. Такого надо бить точно, чтобы сразу дать понять, кто хозяин положения. Поэтому как только Петя повернулся в его сторону, Малыш неожиданно выпрямился, насколько это было возможно в салоне машины, выскочил перед Петей, как чертик из табакерки, и нанес сильный и точный удар по носу. Многие недооценивают этот прием, считая, что по носу бьют только пацаны во время уличных потасовок. Но удар по носу очень болезненный. Получивший по носу человек на какое-то время от боли теряет ориентацию, давая возможность своему противнику наносить удары. Реакция Пети на этот удар ничем не отличалась от реакции остальных смертных. Он схватился за свой нос, из которого сразу же брызнула кровь. Малыш воспользовался этим и, быстро перегнувшись, ощупал Петины карманы. То, на что он надеялся, нашлось: в правом кармане Петиней куртки лежал газовый пистолет. На что-нибудь серьезное Малыш и не рассчитывал. Но и этого было достаточно, чтобы говорить теперь с этим бугаем. Почувствовав, что Петя пришел в себя и готов его растерзать, Малыш слегка ткнул его пальцем в глаз, отчего тот ткнулся окровавленным лицом в ладони. В это время пришла в себя девчонка, но Малыш сунул ей пистолет под нос, и довольно веско прошептал:

– Сиди тихо и останешься жива. Вякнешь – умрешь!

Девчонка оказалась сметливой и не издала ни звука. Тогда Малыш обратил внимание на Петю.

– Ну что, Петя, разве можно так обманывать тех, кто тебе поверил? Или ты просто забыл, что я тебя жду? Дружков своих ты послал?

Петя проморгался, увидел лицо Малыша, узнал его и аж зубами скрипнул от злости, что такой шмакодавистый с виду мужик диктует ему свои условия. Но Малыш тут же сунул ему к виску пистолет.

– Не дергайся! Он хоть и газовый, но если в упор жахнет, тебе хватит. Завалит даже такого бычка. Пошли.

– Куда? – Петя вдруг даже голос потерял.

– К тебе на квартиру. В гости. Вот с ней, с твоей подругой.

Услышав это, девчонка было вскинулась, она подумала, что теперь вместо Пети ее будет пользоваться Малыш, но он сразу же ее успокоил.

– Не дергайся, я тебя не трону, утром отправишься домой в целости и сохранности. Неужели ты думаешь, что я тебя отпущу сейчас, чтобы ты тут же ментов вызвала? И благодари своего Петю, он меня сегодня на четыреста баксов обул в магазине.

– На, заberi свои баксы, – прохрипел Петя.

– Поздно, – отрезал Малыш. – Пошли. Предупреждаю: если будешь вести себя плохо, я с тобой тоже кое-что сделаю! Разбитым носом не отделаешься.

Петя тяжело и нехотя вылез из машины. Малыш старался, чтобы между ними не возникло никаких преград, сам он вылез из машины через дверцу, что была со стороны девчонки, для чего ему пришлось перелезть через нее. Перелезая, он оценил, что тело у нее что надо, упругое, как резиновый мячик.

– Пошли, – сказал он ей, – не отставай.

Дом, в котором жил Петя, видимо, населен был людьми небедными. Дверь подъезда запиралась на кодовый замок. Лестница была широкая, горел свет. Как только они оказались внутри, Петя решил взбрыкнуть, видимо, надеялся на то, что дома и родные стены помогают. Он резко кинул свое тело назад, надеясь прижать Малыша к двери, но тот успел уклониться в сторону, сделать шаг вперед, и оказался прямо перед Петей. Он снова нанес ему сильный удар по носу. Тот уже распух и напоминал сливу, а после этого должен был превратиться в помидор. Заводить настоящую бойню Малышу не было смысла. Это могло привлечь внимание жильцов, сил у него было не так много, а у Пети полно, оставалось держать его на коротком поводке вот такими шоковыми ударами.

– Еще? – Малыш отступил от Пети, который опять уткнулся в ладони, сквозь пальцы сочилась кровь. – Я тебя предупреждал. Пошли, а то не дойдешь, умрешь от потери крови.

Видимо, Петя по отношению к собственному здоровью чувства юмора не имел, он воспринял предупреждение Малыша вполне серьезно и резво повел их к лифту. Они поднялись на третий этаж. Петя открыл дверь и впустил их в свое холостяцкое логово. А оно было упаковано вполне круто. «Точно, подрабатывает в свободное от работы время рэкетиром, – подумал Малыш, окидывая взглядом убранство двухкомнатной квартиры. – На одну зарплату охранника, каким бы крутым магазин ни был, так квартиру не обставишь. Да на таких вот, как я, подрабатывает».

Он сразу же решил вырубить Петю по-серьезному. Ему надо было связать этого бугая и его девчонку, чтобы они не мешали ему прийти в себя и поспать до утра. А просто так даже под дулом этого газовика Петя не даст себя связать: слишком унижительно для такого быка, да и перед спутницей стыдно. И как только за ним закрылась дверь, а входил в квартиру Малыш замыкающим, он перехватил газовый пистолет за дуло и нанес по Петинуому затылку точный удар. Петя мгновение постоял, затем нехотя повалился на пол. Девчонка испуганно смотрела на то, что произошло. Она не верила в то, что Малыш ее не тронет.

– Не надо, прошу вас, – прошептала она.

– Да не бойся, ты думаешь на свете нет более важных занятий, чем насилловать тебя? – Малыш быстро связал ей ноги и руки. Она так его боялась, что от страха совершенно не могла сопротивляться. – Это не для того, чтобы тебя насилловать, а для того, чтобы ты не смогла своего бугая освободить. Я хочу спокойно поспать.

Он устроил ее поудобнее, потом занялся Петей, который по-прежнему лежал отрубленный. Его Малыш постарался связать как следует. Теперь можно было подумать и о собственной персоне. Он первым делом пошел на кухню, открыл холодильник. Петя был запасливый хозяин, холодильник был полный. Малыш утолил голод, потом устроился на неприлично мягком диване в соседней комнате, предварительно проверив еще раз, как связаны его пленники. Петя пришел в себя и посмотрел на него налитыми кровью глазами, не понимая, каким образом этот сморчок с внешностью бомжа так ловко сделал его. Петя уже десять раз пожалел о том, что связался с ним, польстился на баксы. Но чего тут греха таить, это было уж так соблазнительно! Бомж явно их где-то украл и шуметь бы не стал. Да, он не стал поднимать шум, исчез из подсобки сразу же, как только его оттуда попросили дружки Пети. Но что он сделал потом?

Малыш спал чутко, но утром почувствовал себя будто заново рожденным. Боль в районе живота почти не беспокоила его, он принял душ, почистил свою одежду, насколько это было возможно, кинул в сумку кое-что из холодильника, чтобы иметь возможность перекусить. Без всяких сомнений прошерстил комнату Пети и нашел полторы штуки баксов, присовокупил их к своим четыремстам. Теперь он был почти богат. При выходе из квартиры поймал взгляд девчонки, вернулся, вырвал с мясом из гнезда телефонную розетку, потом развязал девчонку.

– Начнешь отвязывать своего бугая только через полчаса после моего ухода, понятно? – предупредил он ее, уверенный в том, что она его не послушает и развяжет сразу же, как только за ним закроется дверь. – Иначе я тебя накажу, – пригрозил он.

Хорошо, что дверь в этом здании только снаружи открывалась по коду, а изнутри ее мог открыть даже ребенок. Малыш вышел на свежий воздух и сделал глубокий вдох. И тут же услышал:

– Эй, ты, иди сюда!

Малыш оглянулся и увидел невдалеке милицейский «газон». «Влип! – пронеслось у него в голове. – И баксы завернут, и меня припрятут. У меня же ни одной бумажки нет, совершеннейший бомж!» Он направился в сторону «газона», пытаясь придумать что-то правдоподобное. Но понимал, что любая легенда все равно будет провальной.

– Ты что там делал, в доме, и как туда попал? – спросил у него милиционер, сидевший рядом с водителем.

– Документы есть? – сразу же добавил второй.

– Сейчас он скажет, что ночевал у любовницы! – добавил третий, которого не было видно.

Все трое ментов грохнули, но первый тут же резко оборвал веселье.

– Тсс, мужики, тут слышимость вон какая, могут быть неприятности.

Малыш понимал, что дом, из которого он вышел, напичкан богатенькими жильцами, но что возле дома почти всегда пасется патрульная милицейская машина, предположить не мог, а то бы нашел возможность покинуть дом по-иному, не попадаясь им на глаза.

– Ну так что, мы будем говорить или мы немые? – продолжил тот, что сидел рядом с водителем, когда они все отсмеялись.

– Давай, раскалывайся, что ты тут делал и как туда попал?

– Вызывай ребят, пусть отвезут его в отдел, там разговорится, – посоветовал третий. – Нам тут еще надо поторчать, а то бы сами его отвезли.

– Дай-ка сюда твою сумочку, – из «газона» высунулась рука и втянула сумку с продуктами в машину.

«Хорошо, что бабки не в сумке», – только и успел подумать Малыш до первого возгласа из машины, когда там разглядели, что у него в сумке.

– Ни хрена себе, мужики! Да тут чего только нет! Даже баночка красной икры. Делаю предложение сразу после дежурства забрести куда-нибудь и все это уничтожить под водочку.

– Так ведь клиент будет против.

– Клиент будет доволен. Ему за мелкое воровство срок впаяют, а так мы его просто как бомжа сдадим, через пару суток выпустят, чего держать и казенные харчи переводить.

Так Малыша и сдали как бомжа, реквизируя у него сумку с продуктами из холодильника Пети. А вот проверить карманы у ментов догадливыми не хватило, они так обрадовались дармовой закуске, что забыли обо всем на свете. Да и кому бы могло прийти в голову, что у бомжа в кармане почти две штуки баксов!

Когда Малыша привели в отделение, он наконец смог узнать, в каком городе очутился. И когда его спросили, каким образом и откуда он тут появился, Малыш смело заявил, что он беженец из Таджикистана.

– Задолбали вы тут всех, – буркнул капитан, которому надоели допросы. – Значит, так, парень, переночуешь, и чтоб я больше твоей рожи не видел, при в столицу, там любят беженцев. Союз развалили, пусть теперь тобой и тебе подобными занимаются.

Малыш клятвенно пообещал, что завтра же его ноги здесь не будет. И действительно, задерживаться тут не было смысла. Он уже засветился, наверняка Петя перетрясет все ночлежки в поисках обидчика и своих баксов.

В большой камере, в которой на каждый метр квадратный было по три задержанных, воняло, как в городском туалете. Полно было тех, кто сюда влетел по пьяни, многие страдали с похмелья, от них несло перегаром, но основная часть относилась к бомжам, от которых пахло тоже далеко не духами. «Да, тут и блох можно подцепить, – подумал Малыш, прикидывая, как бы ему устроиться подальше от входа, где была расположена дырка, в которую ходили и по-маленькому, и по-большому. – Хорошо, что тут надо выдержать всего лишь ночь».

– Что, парень, ищешь, где прислонить задницу? – мужик с испытанным лицом смотрел на Малыша. – Дашь сигарету – уступлю свое.

– Я не курю, – ответил Малыш.

Его ответ почему-то разозлил мужика.

– Вот я и смотрю, что ты педик, раз не куришь и волосы крашенные, – сказал мужик и грязно выругался. – Твое место вон там, на параше.

Малыш знал, как поступать в таких случаях, ведь прошел не одну отсидку. Если сейчас не отреагировать как следует, то все, кто в камере находился, почтут за удовольствие обгадить его словом или поступком. Поэтому он, словно увлеченный чем-то другим, смотрел не на мужика, а мимо него, будто и не ему тот говорил все это, но нога Малыша врезала по челюсти любителя покурить точно, как нога футболиста по мячу. Сразу же наступила тишина, то есть мужик заткнулся. А в камере сделали вид, что ничего не произошло, словно так и надо было. Один сказал, другой ответил.

Схватив мужика, который все еще находился в легком нокауте, Малыш отодвинул его в сторону и занял его место. На сон в этом бедламе он не надеялся и с тоской вспомнил диван Пети. Те шесть или семь часов сна, что были ему там подарены, здоровогодились. Время тянулось здесь в несколько раз медленнее. Постепенно камера затихала, хотя полной тишины тут никогда не бывает. Все равно кому-то не спится, да и не мудрено, в такой насыщенной вонью атмосфере трудно уснуть. От нечего делать Малыш прислушался к разговору, который вели между собой два старых бомжа-алкоголика. Один рассказывал другому про какое-то мифическое место, где живут по всем законам справедливости, куда берут всех желающих, независимо от того, кто этот человек, есть ли у него деньги или нет. Все там работают, а результаты делятся на всех поровну.

«Прямо город солнца какой-то получается, – усмехнулся про себя Малыш. – Все-таки когда человеку хочется жить нормально, а у него нет такой возможности, происходит сдвиг по фазе, как у этого старика, что дурит другого такого же несчастного».

Он прислушался ради любопытства, насколько хватит фантазии у старого бомжа плести сказку. Но старик сыпал такими подробностями, которые не мог выдумать. Старый бомж пытался добраться в этот далекий городок, вернее поселок в тайге, где какой-то отец Александр основал нечто вроде коммуны из верующих, готовых жить по справедливым законам божьим.

«Бред какой-то, – отмахнулся от всего этого Малыш. – Чего ради народ туда прет? Добровольная тюрьма, что ли?» Но назойливый шепот старика-бомжа так и лез ему в уши.

– Там уже тысячи четыре живут, у каждого есть свое место, все сыты. Там старика не заставят делать то, на что у него нет сил, там старость уважают, – шептал старик своему соседу. – Я уже вон сколько проехал, осталась половина, но я туда все равно доберусь. Здесь разве жизнь? Не хочется подыхать, как собака. Тут даже не похоронят. Ты думаешь, у меня не было своего дома? Был. Сын продал, выгнал отца. А там тишина, покой, суеты нет этой.

Где-то он уже слышал это слово – суета, вдруг отвлекся от рассказа старика Малыш. И совсем недавно слышал. Но от кого? И тут Малыш вспомнил про сон, который приснился ему в поезде, в товарном вагоне. Про суету говорил ему отец. А что же отец говорил ему относительно суеты? Что сын стал ее рабом, что надо остановиться, подумать.

Медленно наступал рассвет. Вчерашний капитан зашел в камеру и с угрозой сказал:

– Еще раз кого-нибудь увижу, так легко не отделаетесь! И чтоб к вечеру вас в городе не было.

Малыш в своем помятом прикиде задумчиво стоял и смотрел вслед двум старикам-бомжам, которые деловито направились в сторону железнодорожного вокзала. Все-таки первый старик уговорил второго присоединиться к нему и отправиться в тот сказочный город помирать. Малыш догнал стариков.

– Слышь, отец, давай договоримся, я вам беру билеты, чтобы вы по товарнякам не мучились, а вы берете меня в свой справедливый город, – предложил он бомжам. – Я ночью рядом с вами лежал, так слышал, что ты ему рассказывал.

Бомжи переглянулись.

– Да не бойтесь, я не мент, – убеждал их Малыш. – Или вы ментов не видели?

– Как же не видели? – бомжи вновь переглянулись. – Уж мы-то как раз их на своем веку столько перевидали! Менты разные бывают. Иной раз смотришь, вроде человек человеком, а на самом деле мент. Кто его знает, может, ты именно из таких перевертышей? Может, ты специально к нам липнешь, чтобы этот город найти?

Малыш расхохотался, так его умилила стариковская наивность.

– Отцы, если бы кому-то, тем более ментам, захотелось узнать, где ваш этот пресловутый город, так они его бы уже давно нашли. Сейчас же не прошлый век! Сейчас другое время! Короче, берете меня с собой или нет? Мне вот как надо уйти от суеты, – он провел по горлу ребром ладони, надеясь, что этот штампованный жест подействует на стариков-бомжей.

Старики вновь переглянулись. Видимо, очень им не хотелось пилить за тысячу километров на товарняках, рискуя замерзнуть, попасть под колеса или под лихую руку какого-нибудь охранника. А парень обещал им билеты на поезд. И потом эта последняя фраза, что-то про суету. Это слово не из жаргона современной молодежи. Обычно про суету сегодня говорят старики, которые не могут вписаться в железный ритм новой жизни, где каждая секунда имеет свою реальную стоимость, выраженную чаще всего в баксах.

Малыш вспомнил приходившего к нему во сне отца и его совет отдохнуть от суеты, освободиться от ее оков. Погоня за деньгами, выполнение заказов за эти самые деньги... Малыш

уже и забыл, когда в последний раз спокойно сидел и думал о чем-то, не связанном с деньгами, а например, о небе, о природе, о той далекой стране, откуда бежал когда-то его отец.

– Ну что, отцы-паломники, берете или нет? – спросил он еще раз.

– Только билеты в общий бери, – согласились наконец старики, – а то в другом от нас все шарахаться будут. А в общем такого брата, как мы, не чураются. Там спокойнее будет.

– Как скажете. – Малыш подошел к ним поближе. – Знакомиться будем?

– Это Алексеич, – сказал первый, тот, что рассказывал ночью своему соседу про город отца Александра. – А я Николаич. Так и зови.

– Ну а я с детства Малыш, – развел руками Малыш. – Не вышел ростом, вот все так и прозвали.

Он накормил стариков, взял билеты на ближайший поезд, решив не отрываться от них. Не то чтобы опасался, что сбегут и бросят его, а просто решил остановиться на общем вагоне из чувства самосохранения. В общий вагон менты не так часто заглядывают хотя бы потому, что знают – здесь всегда можно найти себе лишнюю работу при желании. А кому этого хочется?

* * *

Кочетков Сергей Федорович, как значится в его паспорте, всегда плевал в сторону столицы. Не любил он этот город и удивлялся, с чего это все его дружки так рвутся там зацепиться, урвать себе какой-нибудь столичный кусок и доить его. Зачем? Россия-матушка такая большая, в ней столько богатых городов, что всем ворам в законе хватит. Чего щемиться к столице?

Сам он довольствовался всегда провинцией, а жизнь он прожил уже весьма долгую, почти полтинник отбахал. Из них, правда, треть провел по зонам и тюрьмам. А последние пять лет был чист, потому что отвели ему удел, законно, как полагается, при всем сходе, где он и следил за порядком, правил по тем законам, что существовали. За глаза его звали Кочетом, но при нем всегда уважительно, по имени-отчеству. Мужик он был суровый, крутой, но не дурак, который чуть что – сразу в морду. Он если бы в свое время институт закончил, то был бы большим начальником, голова варила что надо. Сразу главных в городе ментов поставил в известность, чтобы они его по пустякам не дергали, он со старым завязал, теперь новое время, бабки можно делать по-новому, в рамках закона. Открыл частную фирму, правда, никто не знал, чем она конкретно занималась, но бабки крутились хорошие. От этого и пошло. Раз бабки можно делать в рамках закона, то зачем же портить в городе атмосферу? Про закон он, конечно, говорил с известной иронией, но звучало вполне убедительно. Он мигом прижал всю окрестную мелочь, заставив работать на себя, с более солидными договорился, что они не будут гадить в городе, а переметнутся за его пределы. Деятельность Сергея Федоровича не осталась незамеченной. Новый мэр города завел с ним дружбу, хотя прекрасно знал, кто такой на самом деле Кочетков. Они частенько встречались. Платил, естественно, Кочетков.

Так длилось почти пять лет. Кочетков стал солидным, раздобыл, ездил в шестисотом «мерсе», держал охрану. Слыл спонсором всяких начинаний, например, конкурсы местных красавиц оплачивал он, любил женскую красоту. Естественно, любил не только платонически, глазами, он еще и телом был ой каков! Красавицы после его щедрых призов не могли отказать во взаимности.

А потом в одно мгновение все кончилось. Началась самая настоящая война. С приезжими. На их сторону сразу же переметнулись те, кто таил на Кочета злобу, завидовал его успехам, хотел занять его место в городской иерархии. И во всем Кочет винил политику. Стоило при нем о ней заговорить, он приходил в ярость. И крыл матом, незабытым с тех времен, когда он блуждал по зонам. Новый мэр был из приезжих тоже, когда-то решил двинуться в столицу на ее завоевание. Кочет так и не мог понять, на кой черт она ему сдалась. Поставил не на

ту лошадку, не на ту партию, и столица решила покончить с этим выскочкой. А если меняют голову, то и все остальное уже не годится. И стали Кочета выдавливать из его вотчины.

– Во вам! – орал Кочет на сходе, когда ему предложили мирно и тихо свалить в другое место, похуже. – Я тут все своими руками сделал, систему отработал, все купил, и что, кому-то уступить? Да пошли вы на...

И он смачно послал всех. В том числе и людей уважаемых.

– Зря ты так, Кочет, – сказали ему.

И пошло-поехало. Приехали в город посланцы, крутые ребята из столицы, наводить новые порядки. Главных ментов, кого Кочет так старательно прикормил за время своего правления, поменяли на новых. Те от него ничего брать не хотели и дали зеленую улицу приезжим. А людей Кочета, в основном местных, сразу же хватали.

Кочетков изо всех сил сопротивлялся, еще не осознавая, что его империи пришел конец. Впрочем, всем империям рано или поздно приходит конец. Приезжие из столицы были парнями жесткими, не стеснялись идти на крайние меры. Так, у Кочеткова отправились на тот свет сразу трое боевиков, на которых он очень рассчитывал. Одного прирезали, второго пристрелили, третий выпал с девятого этажа. И, как догадывался Кочетков, кто-то из его ближайшего окружения отчаянно выслуживался перед приезжими и стучал им про все, что делается вокруг. Интуитивно Кочет понимал, что пора сматываться, если он не хочет попасть в число покойников. Прошло время авторитета, заработанного собственным горбом на нарах, пришло жестокое время авторитета ножа и пистолета. Сила была не на стороне Кочета, и он, затаив злобу, искал место, куда мог бы скрыться на время.

– Ну, мать их так! – сквозь зубы цедил он сам себе, прикидывая, что ему еще надо срочно успеть сделать до исчезновения из города.

Все бабки он пристроил в надежный банк, там они будут спокойно его ждать, на первые расходы есть достаточно, офис ему размолотили ночью, и ни одна ментовская душа даже не пошевелилась, хотя помещение стояло под охраной.

«Надо будет с собой взять кого-нибудь, – мелькнуло у него в голове, но от тут же отбросил эту мысль. – Продаст, в одиночку я буду целее, еще не рассыпаюсь от старости, силенка постоять за себя есть».

Кочетков действительно был в неплохой физической форме для своих лет. К тому же пристрастился посещать тренажерный зал, бассейн. Это кроме ежедневного массажа. «Да и дружок куда более верный всегда при мне будет, – усмехнулся он, ощутив в кармане пиджака пистолет. – Этот не продаст».

У него было две квартиры в городе и загородный дом. Он не знал, что сейчас в его загородном доме, но вот то, что одну квартиру уже посещали незваные гости, ему было известно. Повезло, что в этом доме жили другие уважаемые жители города, и в этот раз менты среагировали, приехали вовремя, и квартира осталась в целостности и сохранности. Сам же Кочетков сейчас как раз сидел во второй квартире, про которую почти никто не знал. Она была для Кочеткова чем-то вроде уголка отдыха, где он мог под кусок хлеба, сала и селедочки жажнуть водки и вспомнить дела давно минувших дней. Но чужая душа, что и про эту квартиру вскоре узнают те, кому он встал костью в горле, и навестят ее.

«Продадут, сволочи, – думал Кочетков обреченно, – продадут, сколько ни делай людям добра, все бесполезно. Хочешь нажить врага, дай займы другу, и он станет твоим врагом. Ну, я все равно узнаю, кто меня продавал».

Кочетков был волк-одиночка, то есть у него никогда не было своей семьи. Женщин было много, насчет детей он не знал, может, и были где. Бояться он давно разучился, считая, что если написано на роду подавиться, то никогда не утонешь. Поэтому не обремененный ничем, он готов был покинуть это свое последнее пристанище в городе в любую минуту. За домом стоял

джип, про который местные гаишники ничего не знали, он был зарегистрирован на другого и водил его Кочетков по доверенности.

В кармане дал знать о себе сотовый. Кочет быстро приложил его к уху.

– Это Антон, – услышал он тихий голос. – Кто-то продал тебя, шеф. Про квартиру знают.

Антон не был среди ментов такой уж важной шишкой, чтобы его сняли, заменив другим. Он был рабочей лошадкой, а таких не меняют. Это как в войну, пехота одна и та же, а генералы могут меняться как перчатки. Однажды Кочет очень помог этому Антону, тогда еще лейтенанту. Прикармливать надо не только верхушку, это правило Кочетков выполнял свято, верхушка менее благодарна и в любой момент может от тебя откреститься, а такие, как Антон, чувство благодарности еще не утеряти. У Антона пропала маленькая дочь. Он поднял на ноги всех ментов в городе, но без толку. Тогда кто-то посоветовал ему обратиться за помощью к Кочеткову. Лейтенант чуть ли не на колени бросился перед ним. Кочетков понял, что если сможет помочь этому менту, то в его лице обретет верного пса. И отдал приказ своим боевикам как следует потрясти тех, кто так или иначе связан с детским бизнесом, ставшим в последнее время очень популярным в городах и весях страны. Детей крали для того, чтобы потом перепродать тем, кто просит милостыню, или богатеньким буратино, которых бог обделил своими детьми, или еще более богатеньким забугорным дядям и тетям. Ребенок иногда тянул до десяти штук. Деньги для России немалые. И ребята Кочета нашли девочку. Антон поклялся, что до гроба будет обязан Кочеткову, и теперь регулярно сообщал ему каждую информацию, которая его касалась. Именно от него Кочет узнал о полной смене руководства городского отдела, о том, что приезжие боевики работают в тесной сцепке с ментами, получая от них нужную информацию, и пожалуй, одному лишь ему Кочетков сейчас и доверял.

– Ты должен узнать, кто на меня стучит, – ответил ему Кочетков. – Обязательно.

– О, на вас многие стучат, – невесело рассмеялся Антон. – Через полчаса они уже могут быть там.

– Успею уйти, – ответил Кочетков. – Только вот пока не знаю, куда.

– Есть одно место, – сказал Антон. – Но сейчас рассказывать нет времени. Надо встретиться.

– Хорошо, – согласился Кочетков.

Он проверил еще раз пистолет в кармане, прикинул, не оставил ли чего нужного здесь, присел по старой привычке на дорожку и решительно покинул эту квартиру. Все, что тут оставалось, могло пропасть для него навсегда, но для него шмотки, мебель, аппаратура большого значение не имели. «Будет здоровье, все купится».

Он вышел не через парадный вход, а через черный. Там стоял джип. Сел в него и выехал на проезжую часть окольными путями в арку соседнего дома. Все, что касалось квартиры, осталось навсегда позади.

* * *

На вид ему было не более тридцати, хотя на самом деле определить возраст отца Александра было очень трудно. Возможно, из-за его аскетичности. Довольно редкие светлые волосы опускались до плеч, небольшая бородка тоже не отличалась густотой. Если бы не его глаза, трудно было бы понять, что же такого видят в нем люди, что безоговорочно начинают верить ему. Но его глаза пронзительно вонзались в собеседника, не позволяя тому говорить неправду, увиливать от ответа. Отец Александр умел убеждать, и ему верили, за ним шли, с ним считались.

Появился он в этих краях несколько лет назад, получил крохотный, вымирающий приходец, который должен был бы по логике вещей уже давно исчезнуть. Но отец Александр начал совершать непонятное. Недалеко от деревушки в несколько дворов, спрятанной среди леса,

которую тут заложили еще староверы, догнивал поселок леспромхоза. Те, кто в нем обитали, переехали в другие районы. Кроме совершенно одичавших собак, да кошек, научившихся не хуже прирожденных лесных охотников ловить зайцев, не осталось никого. И вот отец Александр надумал возродить в этом месте жизнь.

Сначала последователей у него было всего несколько человек, потом то один прибавится, то другой. Постепенно народ собирался. Что их сюда влекло? Наверное, то, что тут у них не спрашивали, откуда они пришли. Придет время – сами расскажут. Главное, чтобы новенький сразу же бросил пить, курить, включился в общественно-полезный труд на благо всего поселка. Продукты делили справедливо, никто не оставался обделенным.

Среди поселившихся вокруг отца Александра были люди самых разных профессий. Поставили небольшую церквушку, постепенно отремонтировали все дома в поселке, но их стало не хватать, начали строить новые. О самозаселении дошло до властей, стали приезжать всякие комиссии, поселок хотели разогнать, но отец Александр отправился в столицу. Говорят, что за него вступился сам владыка, отстоял перед светскими властями отца Александра и благословил его. И от поселка отстали. Сделали вид, что его не существует.

Несмотря на то, что сюда не ходила почта, слух о поселке постепенно разошелся во все стороны. И уже за тысячу километров ехали сюда, чтобы спрятаться от несправедливостей, от тяжелой обязанности искать работу, от голода, бездомья. И никому еще отец Александр не отказал.

Среди тех, кто тут жил, были и такие, что продавали свои городские квартиры и меняли их на дом в поселке, оставшиеся от переезда деньги отдавали в фонд поселенцев. Появилось несколько машин, легковых и грузовых, парочка тракторов, скот. Но по-прежнему никакой постоянной связи с большим миром. Радио, телевидения тут не было. Кто-то не выдерживал и уезжал, чтобы через некоторое время вернуться сюда вновь. Ибо после этой тишины мир казался сошедшим с ума и жить в нем уже не хотелось. Их тянуло обратно.

Именно про этот поселок и повел разговор Антон, когда встретился в условленном месте с Кочетковым. До поселка было километров двести, причем в сторону тайги, а не запада, где начиналась цивилизная жизнь. Антону приходилось пару раз наведываться в поселок в поисках преступников, которые, по сведениям милиции, могли там скрываться. Преступников они не смогли там отыскать, но зато почувствовали, с какой враждебностью встречают тех, кто пытается ворваться в этот замкнутый мир.

– Никто нам даже слова не сказал, – рассказывал Антон Кочеткову, – если их там приняли к себе, то никто никогда не выдаст. Там пересидишь, а когда тут утихнет, я сообщу.

– Как? – спросил у него Кочетков. – Там же нет ни телефона, ничего.

– Сотовый туда дотянет, – сказал Антон. – Хотя нет, надо спутниковый.

– Хорошо, – кивнул Кочетков. – Где его сейчас взять?

– Я привезу через полчаса, но мне нужны деньги.

Кочетков отстегнул необходимую сумму.

– Он будет на мое имя, – сказал Антон.

– Мне все равно, главное, чтобы он работал, – пожал плечами Кочетков.

Они расстались, договорившись встретиться через два часа у выезда из города. Кочеткову за это время надо было кое-что прикупить для своего пребывания в диком поселке. От жизни без благ цивилизации он уже успел отвыкнуть, но она его не пугала. «Если я не сдох в зоне, то уж там-то тем более не сдохну, – думал он, мотаясь по магазинам. – Я, как собака, везде приживусь. Могу быть домашней, могу стать волком».

– Как ты думаешь, машину мне ставить в поселке или где-нибудь в лесу спрятать? – поинтересовался он у Антона, когда они встретились. Антон все сделал, и теперь у Кочеткова была связь с миром. Причем звонить он мог хоть в Африку, а не то что за двести километров в город.

– Лучше в поселке, потому что в лесу все равно найдут, – сказал Антон. – Там полно хороших охотников, которые иголку в лесу смогут найти, не то что джип.

– Мне нужна рекомендация к этому попику, – вдруг сказал Кочетков. – Я буду глупо выглядеть в своем джипе, когда туда приеду. Что я ему скажу? Что мне во сне явилась пресвятая богородица и наказала поселиться там?

– Логично, – согласился милиционер. – Но не могу подсказать, кто мог бы дать эту рекомендацию.

– Я жертвовал несколько раз крупные суммы на постройку городского храма, – вдруг вспомнил Кочетков. – Пусть этот поп даст мне рекомендацию к тому попу. Они ведь все из одной шайки.

– В общем-то да, – опять кивнул Антон.

Он топтался на месте, словно опаздывал куда-то. И все время настороженно поглядывал по сторонам.

– Ты чего, словно шило в одно место сунули? – спросил Кочетков.

– Береженого бог бережет, – ответил Антон. – Сейчас у нас такая чистка пошла, что к каждому могут и хвоста привесить.

– Ничего, пронесет, – зло заметил Кочетков. – Мы еще всем тут шеи свернем, время придет. Еще не вечер, капитан. На, – он протянул Антону пачку денег, не зеленых, а рублей. – На мелкие расходы, чтоб не так страшно было. И смотри в оба. Я ведь так просто все это не оставлю. Пересажу самое горячее время, пока они тут шебуршатся, а как успокоятся, я начну. Покоя им не будет. Да и эта новая метла, – Кочетков имел в виду нового мэра, – ненадолго тут. Он не местный, его быстро попрут обратно туда, откуда приехал.

Новый мэр действительно был не из городских тузов, его рекомендовала усиленно столица, и говорят, что руку к этому приложил сам столичный мэр. А рука у того была очень сильная. Это и сыграло главную роль.

Антон успокоился лишь тогда, когда они пожали друг другу руки и разошлись по своим машинам. Кочетков поехал к новому городскому храму, на который в свое время столько жертвовал, чтобы выглядеть в глазах горожан вполне добропорядочным человеком.

– Пусть прихожане за меня мои грехи замаливают, – шутил он. – А то у меня на это никогда времени не хватает.

Настоятеля он поймал в храме. Как раз закончилась утренняя служба, и тот освободился. Кочетков не стал ходить вокруг да около, а просто выложил напрямую свою просьбу. Настоятель помнил его щедрые приношения, поэтому не стал тоже много спрашивать, а сразу прошел в свою комнатку и сел к столу. Написав что-то на листе бумаги, он вложил его в чистый конверт.

– Возьмите, это вам поможет, – протянул он конверт Кочеткову. – И да поможет вам Бог.

– С вашей помощью, – закончил мысль Кочетков и попрощался.

Уже через двадцать минут он мчался на своем мощном джипе в сторону поселка. Антон на словах объяснил ему, как туда добраться. Правда, предупредил, что дороги там не ахти, можно сказать, что их почти нет, особенно последние пятьдесят километров.

– Я на своей телеге везде проеду, – успокоил его Кочетков, любовно похлопав по джипу.

* * *

Передвижение в общем вагоне пассажирского поезда, который тормозил чуть ли не у каждого столба, не утомляло Малыша. Он спокойно отсыпался на третьей полке, предоставив своим спутникам, страдающим бессонницей, возможность быть на стреме. Малыш был уверен в том, что эти старички не пропустят мимо внимания ничего такого, что могло бы таить потенциальную опасность. Школа у них была еще ой какая. Если бы кто-то и захотел что-то

тут проверить, то никакой маскарад ему бы не помог. Представителей правоохранительных органов старики-бомжи чуяли, как собаки дичь. Или, наоборот, как дичь собаку.

На больших станциях Малыш закупал еду и прикармливал стариков, но из вагона их на всякий случай не выпускал. С одной стороны, чтобы они не исчезли, бросив его одного, а с другой стороны, чтобы их не забрали местные менты, ибо видок у них был непрезентабельный, да и документов ни у одного, ни у другого не было.

Сам же Малыш за время путешествия пришел в себя: ссадины на его лице почти сошли на нет, а одежду он еще в городе перед отъездом успел поменять.

Всякая дорога имеет свое начало и свой конец. Поезд дотащился до конечной станции, дальше им надо было уже добираться скорее всего на своих двоих.

А конечным пунктом как раз и был город Кочеткова, и вышли они из вагона буквально через двадцать минут после того, как тот покинул его пределы на своем джипе.

Малышу очень не понравилось, что они оказались в таком большом городе. И еще больше ему не понравилось количество людей в форме, что фланировали на территории вокзала. Эта суета была вызвана тем, что новый мэр сразу же рьяно взялся за наведение порядка в своем хозяйстве. Каждый вечер он вещал по местному телеканалу, что наведет тут порядок, что жители города заслужили спокойную жизнь, что они не должны бояться выходить из дому по вечерам, что ни одной подозрительной личности на улицах не будет.

Стариков-бомжей взяли сразу же, как только они оказались на привокзальной площади. Малыш как раз отошел от них, и когда вернулся, увидел, что его старички уже стоят в обществе двух бравых ментов и что-то беспомощно пытаются им объяснить. Те бесцеремонно подталкивали их в спину, направляя в сторону милицейского рафика. До Малыша донеслась реплика одного из ментов:

– Давай, папаша, давай, объясняться будем в отделении.

Малыш выругался про себя. Он оставался в одиночестве, и ему будет трудно найти то место, куда они стремились. Старичкам навести справки было легче. Малыш уже думал об этом и хотел отвести их к ближайшей церкви, где наверняка те могли бы узнать, как попасть в поселок отца Александра. Когда об этом спрашивают такие старички, подозрений не возникает, что с них взять, божьи люди, ищущие для финала своей жизни какое-нибудь местечко. А вот когда об этом спрашивает молодой, могут и не сказать ничего из-за подозрений, что едет он туда совсем с иной целью.

Один из старичков, Алексеич, все время беспомощно оглядывался, когда его вели к машине, выискивая в толпе Малыша, надеясь на то, что их ангел-хранитель сможет и из этой ситуации их вытащить. Он столкнулся взглядом с Малышом и уже хотел ему что-то крикнуть, но Малыш отрицательно покачал головой и приложил палец к губам. Алексеич сразу же все понял и отвел глаза в сторону.

Малыш видел, как их втолкнули в машину, но везти куда-нибудь не спешили. Потом за стариками в ту же машину последовала потасканная девица с опухшим лицом и совершенно пьяный мужик.

И все равно блюстители порядка не уезжали. Девица закатила им скандал, но ее быстро успокоили. Все это время Малыш старался далеко не отходить, чтобы видеть машину. «Выполняют план, – думал он. – Пока нужного количества не наберут, не уедут».

Наконец в машину впахнули еще пару задержанных, и она отъехала. Малыш сразу же подскочил к стоянке и сел к частнику.

– Куда? – спросил тот, заводя мотор.

– Вон за ментовкой. Дружка повязали, так хочу узнать, в какое отделение его повезут, чтобы жене его сообщить. Пусть идет мужа вытаскивать.

Частник хохотнул, pokrutil головой и поехал за милицейским рафиком.

– Да они в одно место их свозят, а потом сортируют, – сказал он. – Совсем озверели в последнее время. Штрафуют за просто так, хватают даже за запах. Называется борьба за порядок.

Ехать пришлось недолго. Рафик завернул в широко открытые ворота.

– Вот и приехали, – сообщил частник. – Ну что, обратно или тут останешься?

– Останусь, может, выпустят, – Малыш расплатился с ним. – Позвоню ей по телефону.

– Да ты останови любого мента отсюда да пообещай ему пол-литра, он твоего дружка выдернет оттуда, – посоветовал ему частник. – Они же голодные все, за бутылку выпустить для них халява.

– А что, так и сделаю, – пообещал ему Малыш. – Спасибо за совет.

– Не за что, бывай. – Частник развернулся и уехал, оставив Малыша на улице перед воротами.

Тот выбрал себе место для наблюдения и приготовился ждать. Так он просидел минут десять, потом увидел, как из ворот выехал тот самый рафик и поехал в сторону вокзала.

«За новой партией отправился, – догадался Малыш. – Этих выгрузили». Из ворот вслед за рафиком вышел молодой мент. Малыш решил последовать совету и хотя бы узнать, что может ожидать его стариков. Он поднялся и подошел к менту.

– Слышь, земляк, – Малыш рискнул на такое обращение в надежде, что парень не станет корчить из себя бог весть кого. – Не сможешь одну небольшую проблему разрешить?

– Какую? – мент остановился.

– Да вот туда пару моих знакомых определили, так что с ними будет? Может, какой штраф надо заплатить, чтобы выпустили?

– Пьяные, что ли? – парень, услышав про штраф, сразу подобрел. – Десять баксов, и если их еще не зафиксировали, то выгашу. Если уже документально прошли, то двадцать. – Потом подумал и добавил: – За каждого. А штраф будет дороже. Надо и ребятам что-то кинуть.

– О чем разговор? – Малыш сунул руку в карман, словно собирался уже прямо сейчас отдать деньги, но ничего не вынимал. – Все будет путем.

Его красноречивый жест еще больше вдохновил милиционера.

– Как фамилии?

– Одного Алексеичем зовут, другого Николаичем, – сообщил ему Малыш, вдруг вспомнив, что так и не знает фамилии своих попутчиков. – Старички такие. На бомжей смахивают.

– На бомжей? – сразу насторожился мент. – Не местные, что ли?

– Да нет, они не бомжи, но тут долгая история, понимаешь, – стал объяснять ему Малыш, на ходу придумывая легенду для старичков. – Вбили себе в голову на почве религии, что надо им куда-то ехать, в какой-то поселок, где какой-то поп верующих собирает, вот сорвались с места и пропали. Два дня носился за ними по городу, еле нашел, а тут ваши их и замели. Выручай, а то меня мать опять пошлет сюда, – и он пошевелил в кармане рукой так, чтобы мент заметил это движение. – Все путем будет.

– А, слышал, слышал, – кивнул мент. – Давно его контору прикрыть надо. Сманивает людей. Но если на бомжей похожи, то боюсь, что дороже обойдется, – протянул он. – У нас сейчас как раз месячник борьбы с ними. Полтинник за обоих устроит?

– Да уж ладно, – махнул рукой Малыш, словно отдавал последние кровные. – У меня все равно одной бумажкой, заберешь полтинник. Жалко ведь стариков. Говорят – старый, что малый.

– Жди, пойду узнаю, – сказал мент.

Прошло примерно полчаса, пока из ворот выползли старички-бомжи в сопровождении милиционера.

– Эти? – спросил он у Малыша.

– Эти, эти самые, – Малыш демонстративно приобнял Алексеича и Николаича. – Ну, вы даете, отцы! Меня мать из-за вас уже вторые сутки гоняет, покоя не дает. Чтоб больше из дома ни ногой. Делать мне больше нечего, как вами заниматься.

Мент нетерпеливо оглядывался.

– Давай веди их отсюда по-быстрому и чтобы больше не попадались, – сказал он Малышу, напоминая тем самым о том, что пора и рассчитаться. – И в следующий раз, если опять в бега вдарятся, пусть паспорт с собой берут.

Малыш сунул ему обещанный полтинник и быстро повел стариков за собой, подальше от гостеприимно распахнутых настежь ворот.

– Как это ты нас вызволил? – спросил обрадованный Алексеич.

– Как, как, ты что, Алексеич, впервые замужем? Взятку дал, – ответил Малыш.

– И сколько? – это уже Николаич спросил.

– Пятьдесят баксов.

– Сколько?! – ужаснулись цифре оба старика. Для них это были громадные деньги. – Да они все равно бы нас выпустили, – старики расстроились из-за денег. – У них кормить нечем задержанных. Они поналовят, а потом выпускают.

– У меня времени ждать вас до завтра нет, – сказал Малыш. – Нам надо по-быстрому узнать, как добираться до вашего солнечного города, и мотать отсюда. У них сейчас чистка идет, а ни у вас, ни у меня нет ни одного мало-мальски стоящего документа.

– А мы уже все узнали, – сообщили ему бомжи. – Познакомились с одним, так он тоже туда хочет попасть. Он нам все и рассказал.

– Ну, хоть какая-то польза от ментовки, – рассмеялся Малыш. – Теперь будем считать, что бабки я заплатил не за вас, а за полученную информацию. Ну и как туда добираться?

Старички как-то сникли и долго не отвечали. Потом Алексеич раскололся.

– Понимаешь, туда от города почти двести километров, последние пятьдесят вообще дороги нет. Мы вот решили с Николаичем пешочком отправляться. Пока в лесу есть и ягоды, и грибы. За недельки три доберемся.

– Так, – остановил его Малыш. – А я как же? На всем готовом доставил вас сюда, а дальше вы уже сами, без меня, да?

Малыша уже стал доставать этот пресловутый путь в неведомый поселок. Казалось, что он становится недостижимым. Но таков был его характер – из принципа делать все до конца. Тем более что он действительно решил отключиться от суеты на полгода. У него уже бывали такие перерывы. Правда, всегда не по его инициативе. Приходилось залечивать раны, полученные при выполнении заказа.

И всегда после таких перерывов он возвращался к своей деятельности.

– Поедем втроем, как договорились. Или возвращайте бабки, что я на вас потратил.

Последнее он просто так сказал, чтобы расшевелить стариков.

– Так это, у нас нет денег, – растерялся Алексеич.

– Тогда придется делать так, как я скажу. Мне грибочки и ягодки есть не хочется, от них живот может заболеть, – Малыш уже знал, что пешком он туда не пойдет. – Я привык цивилизованную еду потреблять. «Придется попользоваться чьей-нибудь машиной, – мелькнула у него мысль. – А что, в ту сторону жилья нет, постов гаишных нет, ловить некому». – И пешком я на такие расстояния не привык ходить. Поедем с комфортом, старички-разбойнички!

– Мы не разбойники, – обиделся Алексеич. – Мы люди хорошие, только жизнью обиженные.

– Да это я так, фильм такой был, – рассмеялся Малыш, прикидывая, где бы ему пока на время спрятать этих стариков, чтобы их опять не загребли в ментовку.

Пока они шли, он обратил внимание, что на них как-то подозрительно поглядывают прохожие. «И то верно, чего двое нищих ведут молодого куда-то? – думал он, не переставая наблюдать за обстановкой. – Не в камеру же хранения их сдавать!»

– Так как туда добираться, ты можешь подробно объяснить? – спросил он между прочим у Алексеича.

– Так ведь если я тебе все подробно расскажу, ты нас тут бросишь и в одиночку туда поедешь, – рассудительно покачал головой старик. – Ты молодой, тебе легче в одиночку. Так что извини, ты парень хороший, но говорить, куда ехать или идти, тебе я не буду.

– Ага, значит, ты у меня проводником будешь, – почему-то обрадовался Малыш. – Только, надеюсь, не как Иван Сусанин? – он придумал, куда пристроить стариков на время поисков транспорта, причем с пользой для них. – Вы в бане давно мылись?

– Чего? – даже испугались старики.

– Понятно, – кивнул Малыш.

Он подошел к мужику, который стоял и торговал на улице какими-то поделками, и спросил у него:

– Слушай, земляк, где тут ближайшая баня, только такая, попроще, не сауна-люкс для новых русских.

– Баня? – мужику было скучно стоять и он аж почесал за ухом от удовольствия, что появилась возможность поговорить. – Да даже и не знаю, что сказать. Таких бань поблизости нет. Хотя постой, есть, – обрадовался он вспомнив. – Завод «Вторчермет» в свою баню городских пускает. Но у них сегодня выходной. Они только три раза в неделю открыты.

Малышу надоела его болтовня.

– А для новых русских есть поблизости?

– А, этих хоть отбавляй, – развел руками мужик. – Вон там, за углом, гостиница будет, там со двора вход, в подвале. Но там дорого!

Малыш не стал ничего больше ему говорить, молча развернулся и повел своих спутников туда, куда указал ему болтливый мужик.

– Эй, вы куда? – путь в подвал, над входом в который отливала золотом витиеватая надпись «Мужской рай», преградил толстый парень, напоминающий гиппопотама.

– А зачем сюда ходят? – Малышу надоело всем объяснять. Неужели непонятно, что если они идут сюда, то с целью помыться?

– Тут сауна-люкс, – не унимался парень.

– Вижу, что не общественный туалет, – отпарировал Малыш. – Отдельный номер есть?

Это он спросил уже у второго служащего. «Что они все тут такие толстые? – подумал он про себя, увидев, что и этот ничем не уступает по габаритам вахтеру. – Словно надули всех».

Второй служащий назвал ему цену номера, рассчитывая, что она заставит эту подозрительную троицу исчезнуть отсюда. Но Малыш молча кинул на столик перед ним нужную сумму в долларах. Старики не возражали, подавленные его инициативой.

– Пока я не приду, их не выпускай, пусть потеют, – наказал он служащему, которому заплатил. – Это тебе на чай. – Он положил перед ним пять баксов. – Я через час вернусь и заберу их у тебя.

* * *

После великих перемен в политическом устройстве бывшего Союза начались перемены даже в таких заведениях, где их испокон веков не видывали. Имеются в виду тюрьма и зона. Например, стали в некоторых из них разрешать заключенным пользоваться своим правом на веру в Бога. В некоторых зонах стали даже строить церквушки и молельни. Появились свои священники, которые пытались поставить на путь истинный отъявленных воров и начинающих

малолеток. Не каждый священнослужитель принимал с радостью такой тяжелый крест, как работа в зоне. Поэтому несколько удивились, когда молодой выпускник духовной семинарии изъявил желание пойти именно туда. Но когда узнали, кто это, успокоились. Молодой священник когда-то в юности тоже мог попасть в общество тех, кто сидел на нарах, но вовремя остановился и обратился к Богу. Так в одной из зон появился свой священник, отец Александр.

Многие уголовники с издевкой смотрели на его тщетные попытки создать из контингента зоны свое стадо овец, но кроткое упорство молодого попа, как его прозвали в зоне, делало свое дело так же, как вода постепенно точит камень. Появились люди, которые стали прислушиваться к нему, стали молиться все смелее и смелее. Руководство зоны ничего не имело против этого. Во-первых, сейчас верить в Бога стало модно, первые лица государства частенько мелькали в храмах во время праздников, крестились, хотя порой и не так, как надо. Все чаще церковь освящала спуск кораблей на воду и даже космический корабль перед стартом.

– Пусть молятся, – говорил бывший замполит зоны. – Меньше в головах будет глупостей.

И действительно, чем больше становилось тех, кто прислушивался к молодому священнику, тем меньше совершалось в зоне правонарушений.

– По-моему, он начинает выполнять твои функции, – смеялся начальник зоны, говоря это бывшему политработнику.

Менялся и контингент, одни отбывали свой срок и уходили в свободный мир, чтобы вскоре вернуться сюда снова, кто-то прощался с зоной навсегда, потому что твердо решил завязать. В принятии этого решения немалую роль сыграл отец Александр. Ему не раз предлагали переменить приход, найти более спокойное и доходное место, но он упорно отказывался. Так прошло не менее десяти лет, когда вдруг отец Александр внезапно исчез, а вместо него появился другой.

– Надоело, – рассуждали те, кто тут сидел и привык к нему. – Решил сменить обстановку.

– Отбарабанил свой «срок»! – хохотали некоторые.

– А что, я так и думал, что он свою церковь обокрал и его к нам сюда сослали на срок! – подхватывали шутку другие.

К присланному новому священнику относились не так доверчиво, как к отцу Александру. Все-таки привычка – сильная вещь.

* * *

Кочетков вел свой джип не спеша, теперь ему бояться было некого. Город со своей сворой псов, готовых сожрать его с потрохами, остался позади, со всех сторон его окружал лес. Дорога была узенькая, видимо, по ней так редко ездили, что лес постепенно наступал на нее с обеих сторон. Кочетков пару раз останавливался, выходил из машины и с удовольствием вдыхал всей грудью полный лесных запахов свежий воздух.

«Чистый кислород, – думал он. – Сидишь вот так в городе среди этих коробок, дышишь черт знает чем, а ведь столько в природе хорошего. Дураки мы, люди!»

Пока он ехал, ни одной встречной машины не было, так же, впрочем, как и в ту сторону, в которую он ехал. Поэтому, вспомнив, что в поселке спиртное пить запрещено, решил в последний раз перед долгим воздержанием ощутить вкус хорошего коньяка и сделал пару глотков из металлической фляжки, которая была у него всегда в бардачке джипа. «Тем более что гаишников тут нет, – усмехнулся он, хотя и в городе все гаишники были у него в кулаке во главе с начальником, который приходил каждый месяц к нему за своим куском хлеба. – И почему я не знал про эту дорогу раньше? Сюда бы каждый выходной на пикничок с хорошей компанией».

Когда он проехал примерно километров сто пятьдесят, дорога действительно перестала быть дорогой, то есть она только угадывалась. Но Кочетков уверенно вел свой броневик японского происхождения, зная, что для него и такая подходит. Приближаясь к нужному месту, он

прикидывал, как все же поступить с машиной? Приехать на ней в поселок – сразу же приковать к своей персоне повышенное внимание. Он не верил в то, что все в поселке такие бессребреники и в жизни их интересует только честный труд и успокоение души.

«Шиш, не бывает так, – думал он. – Только до того момента человек честен, пока перед ним не появится та сумма, которая весит больше его совести. Тогда он сразу забывает о Боге и вспоминает о своих человеческих слабостях, таких, как красивые бабы, сытая жизнь, упоение властью над себе подобными и прочее».

Кочетков решил спрятать джип поблизости от поселка и явиться туда уже на своих двоих. Постараться спрятать, конечно, так, чтобы со стороны машина не бросалась в глаза первому встречному. «Все может быть, – прикидывал он, выворачивая руль, чтобы объехать глубокую рытвину, – машина мне пригодится в любой момент. Не верю я в то, что ни один человек в поселке не имеет связи с городом. Наверняка сидит там свой осведомитель. Чтобы менты разрешили там селиться и не сунули своего человека? Быть такого не может».

Кочетков был совершенно прав. Власти действительно хотели знать, что происходит в поселке отца Александра. И менты посылали туда своих людей. Но почему-то они или не сообщали ничего интересного, или пропадали, причем в рамках закона. Кто-то помрет от болезни, ни один врач не подкопается, кто-то ногу сломает, а кто-то вдруг прерывает всякие отношения со своими бывшими работодателями. Так что получалась странная картина. Все хотели знать, но никто ничего не знал. Знали только, что крыша у отца Александра крутая. Никто из местных властей не мог ему ставить палки в колеса. Из столицы звучало строгое:

– Не трогать!

Кочетков прочитал ту записку, что дал ему к отцу Александру настоятель городского храма. В ней говорилось, что он, Кочетков, нуждается в помощи божьей, которую конкретно должен оказать ему отец Александр. «Такое ощущение, что имею дело с какой-то тайной организацией, а не с церковью, – думал Кочетков. А потом хлопнул себя по лбу. – Какой я наивный, так ведь церковь и есть мощная организация. Любой политический строй пережила и переживет. Сколько ей лет? Кажется, тысяча, а может, и больше».

Поселок вырос перед ним так внезапно, что он резко нажал на тормоза и его бросило вперед. «Черт! – ругнулся он. – Чуть не въехал со всей помпой». Дав задний ход, он развернулся и стал присматривать место, где мог бы замаскировать машину. Скоро он такое место нашел – густой молодой ельник, не пропускающий света внутрь шатра, образованного густыми ветками. Джип внутри этого шатра оказался как бы в гараже.

«Отличное место, тут машине даже снегопад не страшен, – решил Кочетков. – А теперь вперед, пред светлые очи отца Александра». Он хлебнул опять коньяка из фляжки и двинулся в ту сторону, где был поселок. Однако идти ему пришлось прилично, и он порядком устал, пока не шагнул к первым постройкам.

* * *

Поручив стариков этому надутому то ли водой, то ли паром, то ли пивом парню, Малыш отправился на поиски нужного транспорта. Надо было и перекусить, ибо в последний раз он ел при подъезде к городу, рано утром. «Мне нужна наша обыкновенная “Нива”, – решил он. – Машина, которая проедет везде. Только бензина жрет много. Его надо взять с собой, машина должна быть на ходу и под рукой».

«Ниву» Малыш обнаружил рядом с местным рынком. Не старая на вид, с родной еще, по всей видимости, краской, а значит, и все остальное должно быть в норме. Покрутившись вокруг да около, он понял, что эта стоянка не стала еще платной, а значит, не охраняется. Машину можно попробовать взять. «Странно, не могут такую стоянку, у рынка, сделать платной. Лопухи! – усмехнулся он про себя, смело подходя к машине. – А вдруг она на сигнале? –

мелькнуло у него в голове. – А черт с ним, тут столько народу мотается, успею затеряться, подумают, что сработала случайно».

Открывать машины Малыш умел мастерски. Никто не успел заметить, как он сильным, незаметным со стороны движением выдал с помощью железки окошко в кабине и, сунув руку внутрь, открыл дверцу. Сигнала не было, «Нива» была в его распоряжении. «На следующую свою машину хозяин обязательно поставит сигнализацию, – подумал Малыш, выводя машину со стоянки. – Будет благодарен мне за науку».

Он проверил наличие бензина и решил, что надо заправиться. Отъехав немного, вышел, проверил, что в багажнике. Там были в основном продукты. Видимо, какой-то сельский житель приехал в город затариться на неделю тем, чего не было в его селе. Нужна была канистра и запаска. Оставалось надеяться на то, что при заправке он сможет если не найти сразу нужное, то хоть узнать, где это можно приобрести.

– Нет проблем, у меня тесть ремонтом занимается, он все подберет, – сказал ему парень на заправке, когда Малыш обратился к нему с вопросом. – Тут езды три минуты.

Заправка была недалеко от островка частных домиков. Там, во дворе одного из них, приспособился тесть этого парня чинить машины. Нашлась у него запаска для «Нивы», и канистра нашлась, так что через полчаса у Малыша уже было все необходимое, чтобы отправиться в дорогу. В багажнике «Нивы» было полно продуктов, в основном консервы. Прикупив кое-что еще, Малыш поехал за старичками.

– Ну как клиенты? – спросил он у пузыря-дежурного в сауне. – Не баловались, привести девочек не требовали?

– Нет, – пожал плечами дежурный. – А что, мы и это можем за бабки. Нам все равно, старики или молодые. А кто они вообще?

Малыш поманил его к себе пальцем и прошептал на ухо:

– Воры в законе. Теперь, если им понравилась твоя сауна, можешь идти на пенсию. Заберут и ни копейки не заплатят. А будешь выступать, отправят на тот свет вместе со всей семьей.

Пузырь оторопел от услышанного. Потом так же шепотом ответил:

– Так она же не моя, я тут подрабатываю только.

Было видно, что он всерьез принял все услышанное от Малыша и уже по-другому смотрел на стариков.

– Как парок? – спросил с усмешкой Малыш.

– Ерундовый, – сплюнул Алексеич. – В деревенской, что топится по-черному, в сто раз лучше.

– И давно ты в деревенской парился? – не унимался Малыш.

– Давно, – сразу поник Алексеич. – Не помню уже.

– Ав нормальной, в простой городской бане?

– Тоже давно.

– Надеюсь, всех насекомых смыли?

– Да иди ты! – Алексеич по-настоящему обиделся. – У меня их отродясь не было, даже когда пацаном был в послевоенное время.

– Машина подана, садитесь, – Малыш указал на «Ниву». – Поедем с комфортом.

Старики сели в машину на заднее сиденье, притихли. Но Малыш видел, что им пошло на пользу пребывание в сауне. Они остались довольны, несмотря на брюзжание Алексеича.

– Ну что, Сусанин, давай рассказывай, куда надо ехать, – крикнул Малыш Алексеичу.

* * *

В зоне его все звали Сивый, хотя он Сивым не был, а был просто седым. Зубы у него наполовину выпали сами, а наполовину были выбиты в многочисленных потасовках. Проку-

ренный самым дерьмовым отечественным табаком, сморщенный, словно выжатый лимон, он таял на глазах, подхватив на третьем году отсидки туберкулез. Причем в такой форме, что тюремным врачам сразу стало понятно: крышка, нечего и лекарства тратить зря. Но все равно его перевели на отдельную территорию, где отбывали наказание такие же, как он, на работу не посылали, паек соответствовал положенному больничному.

Сивый был далеко не дурак, хотя образование имел два класса, все остальное хватал уже по тюремным камерам. Он тоже понял, что ему хана. И приуныл, а ведь до этого был одним из самых веселых зэков.

– Е-мое! – говорил он когда-то, смоля бычок, оставленный ему более зажиточным зэком. Ему всегда оставляли за те байки, что он травил. – Вот отсижу, выйду, возьму себе бабу килограммов под сто весу, чтобы как на слоне поездить, и заживу!

Все вокруг хохотали, представив этого сморчка верхом на бабе под сто кило.

– А что? – не унимался Сивый. – Я мужик что надо, у меня еще и дети могут быть.

А теперь Сивый понял, что ни детей, ни бабы под сто кило ему уже не дождаться, через полгодика ему вообще уже ничего не будет нужно, кроме грубо сколоченного в тюремных мастерских гроба. И он кинулся в другую крайность, стал вдруг таким набожным, что все диву давались, хотя и понимали, что любой из них, постигни его подобная участь, тоже бросился бы искать спасения у Бога, в существование которого и не верил.

Единственным собеседником, с которым Сивый мог говорить часами, был священник, отец Александр. Он внимательно слушал то, что говорил ему Сивый, не боясь заразиться от больного палочками Коха, ни разу не прервав его. И возможно, именно за это терпение в конце концов отблагодарил его зэк Сивый.

– Я не то чтобы сознательно грешил, – тихо говорил он. – Меня это заставляли делать то люди, то обстоятельства, то просто жрать хотелось. Вот поэтому и приходилось воровать, всю жизнь жить, как перекасти-поле, без своего угла, мотаться из одного конца страны в другой. Но я, отец Александр, – он, как и все зэки, несмотря на молодость, звал его уважительно, – никого не убил. Клянусь! Покойной матерью клянусь!

– Верю, – кивал головой отец Александр.

– Но все равно греха на мне много, – продолжал Сивый. – Может, поэтому я и сдохну скоро!

В день, когда состоялась его последняя встреча со священником, Сивый с утра почувствовал себя хуже, чем всегда, не помогали и лекарства. Кашель выворачивал Сивого наизнанку, а на грязной тряпице, что играла роль носового платка, атели капли крови.

– Все, хана, приплыл, – хрипел он. – Ну и хрен с ним! Все равно надоело уже.

В этот день он и рассказал отцу Александру одну историю, которую таил в себе все это время, и оказалось, что не зря Сивый мечтал о бабе в сто килограммов и о хорошей жизни после зоны.

– Никому не хотел говорить, а вот вам скажу, – шептал он. – Эти сволочи все равно даже спасибо не скажут. Что так помру собакой, что эдак. А вы может хоть на добрые дела используете. Только никому! А то... – Сивый кинул взгляд на облачение отца Александра – уже потертую рясу. – Прирежут сразу!

Порой его торопливый шепот, словно Сивый боялся не успеть все рассказать до своей смерти, напоминал бред. От него и несло жаром, он горел, как раскаленная печь.

– Место знаю, где золотишко можно хоть горстями собирать, – говорил он. – Случайно журавль в руки сунулся. Когда всеобщая коммерция началась, мы с одним братком нанялись в охрану. Ездили в основном по северу, наш хозяин торговал, а втихаря скупал золотишко. Раз мы с дружкой напились, а тут ему на глаза девка местная попала, да не русская, а из этих, с косыми глазами. Если бы наша, русская, он не стал бы ее трогать, а за эту решил, что ничего ему не будет. Короче, парень он здоровый был, никого и ничего не боялся, под мышку и потащил ее.

С неделю мы по очереди с ней спали, а потом то ли отец ее, то ли дед нашел нас. А она пьяная: дружок мой каждый день накачивал ее водкой. Она ничего не соображала. Отец просит отдать ее, а дружок шиш, не отдает, говорит, что пока еще не надоела. Короче, тот в ногах валялся, потом стал что-то про золото говорить, где и как, только, мол, отдайте ему девчонку. А дружок ему по зубам. Да что говорить, чукча он и есть чукча, какое к нему может быть отношение?

Сивый долго трясся от очередного приступа кашля, отходил от него, а отец Александр терпеливо ждал, когда он сможет продолжить свой рассказ, ничем не выдавая своего интереса.

– Нам же с детства в анекдотах твердили, что чукчи – не люди, – продолжал Сивый. – В общем, выкинул его дружок из дома, в котором мы жили, а тот через час вернулся и пристрелил его. Меня как раз не было, я за водкой пошел. После этого меня с работы, естественно, поперли, какой я охранник без своего дружка, меня шелчком можно сбить. Но то золотишко я собственными глазами видел. Потом меня по этому делу все равно взяли, нашелся там какой-то защитник у чукчи. Короче, за совращение малолетки меня и приговорили. Я же с ней тоже спал. Дружок у меня добрый был, мы с ним все пополам делили. У меня голова была, у него сила.

– Да ведь как я его найду? – у отца Александра по-прежнему было совершенно спокойное выражение лица, словно речь шла не о золоте, а о чем-то обыденном. – Я и в лесу-то могу потеряться, когда за грибами пойду. Один не хожу.

– Там искать-то нечего, – Сивый опять зашелся в приступе кашля, долго отхаркиваясь в платок. – Там и ребенок найдет, если начертить.

И он, схватив палку, что валялась возле них, начал чертить на земле план.

– Вот город, вот дорога, здесь леспромхозовский поселок, а от него уже совсем рукой подать. Там все просто!

К вечеру он умер. А через неделю из зоны исчез отец Александр.

* * *

Было с непривычки ходить не по асфальту, а по лесу, и Кочетков порядочно устал. В мягком мху, покрывающем землю, проваливались ноги, и он пару раз даже падал. Стало жарко, он пожалел о выпитом, теперь коньяк выходил ему боком. Когда Кочетков подошел к первому дому, то присел на кучу бревен передохнуть. Закурил, вспомнил, что в поселке не курят, махнул мысленно рукой на этот запрет. «Еще пока не поселился, – подумал он. – Да и не постоянный я тут житель, а гость, гостю же все разрешено».

– Эй, мужик, брось сигарету, – услышал он за своей спиной.

Повернувшись на голос, Кочетков увидел нацеленное прямо ему в лоб охотничье ружье. И сразу же выполнил просьбу.

– Мне отец Александр нужен, – торопливо сообщил он. – У меня к нему письмо от настоятеля городского храма.

Ружье опустилось стволом в землю, что принесло Кочеткову некоторое облегчение.

– Он всем нужен. Пошли.

Мужик был вполне интеллигентного вида, даже без бороды, хотя Кочетков почему-то представлял себе все мужское население поселка бородатым. Он путал этих поселенцев со старообрядцами, про которых когда-то читал.

Кочетков сразу понял, что стоявший перед ним священник ему знаком. Что где-то когда-то их жизненные пути пересекались. У него была очень цепкая память на лица. И сразу же начал работать вычислительный центр в голове. Встретить знакомого в планы Кочеткова не входило. Да еще тут, среди лесов.

«Черт, где же мы встречались? – мучительно вспоминал он, протягивая письмо отцу Александру. – В городе? Нет». Ему трудно было вспомнить потому, что годы, проведенные в

зонах, он автоматически как бы вычеркивал. Да и откуда в зоне мог быть поп? Но ведь был. В тот, в последний раз, когда он сел. Потом уже не сидел. И в этой зоне он провел всего лишь полгода. И все же лицо отца Александра попало в картотеку его памяти, и теперь он рылся на ее полках, надеясь в конце концов выудить оттуда, где он видел этого человека.

– Хорошо, – кивнул головой отец Александр, внимательно прочитав переданное ему Кочетковым послание от настоятеля городского храма, являющегося одновременно и главой в этом регионе, то есть непосредственным начальником отца Александра. – Сейчас я распоряжусь, и вас отведут в нашу гостиницу.

«Ничего себе, у них тут и гостиница есть, – подумал про себя Кочетков. – Хорошо живут, с размахом».

– Это не то, о чем вы сейчас подумали, – сказал ему отец Александр, словно прочитав его мысли. – Это просто домик, который мы отводим тем, кто приехал к нам присмотреться. Никаких удобств там нет. И кстати, – он выразительно посмотрел на гостя, – правила нашего поселка распространяются и на гостей: запрет на курение и на спиртные напитки.

Если Кочетков мучительно вспоминал, где он мог встречать отца Александра, то тот своего собеседника в лицо не знал. Если Кочетков и мог попасться ему на глаза, то среди нескольких тысяч эков запомнить его было невозможно.

Когда тот же мужик с ружьем проводил Кочеткова в отведенную ему избу, он вдруг вспомнил, где видел этого священника. «Мать твою так, так это же тот попик, почти пацан, что появился у нас на зоне, а я сразу же оттуда слинял, – осенило Кочеткова. – Странное у него хобби. То он в зоне среди эков, то организовал для себя почти такую же зону, только с другим названием».

Он проводил взглядом мужика с ружьем. «Вот и конвоиры тут есть. Странно все это. Ну, да мне наплевать, главное, чтобы пересидеть, и век бы их больше не видеть».

– Он не должен знать, что за ним наблюдают, – сказал тихо отец Александр мужику с ружьем, который привел к нему гостя, – но глаз с него не спускайте.

– Да все будет нормально, я уже дал знать Прохору, – ответил смиренно мужик.

– Иди, – отпустил его отец Александр.

Не нравился ему этот гость. С такими тяжело, они любят совать свой нос везде. Отец Александр сталкивался с такими в зоне. Они не хотели даже думать о смирении, о том, что в содеянном необходимо в конце концов раскаяться. Таких было немного, и с ними лучше было не портить отношения.

Но раз просьба приютить этого гостя исходила сверху, отец Александр вынужден был оказать ему гостеприимство. Хотя чувствовал, что от Кочеткова можно ждать любых неожиданностей. Оставалось лишь надеяться на то, что гость пробудет здесь недолго.

Поселок этот, в котором жили когда-то рабочие леспромхоза, несколько лет назад брошенный, очень пригодился для того дела, ради которого оказался тут отец Александр. Весь строевой лес, что мог идти на продажу, вокруг него был вырублен, стало невыгодно гонять технику и возить людей по бездорожью. Решили, что дешевле будет бросить все и построить новое жилье там, где были отведены новые сотни гектаров для рубки.

Так бы и канул в небытие, постепенно разрушаясь, этот поселок, если бы не появился в этих местах молодой священник с лицом аскета. С ним приехало еще несколько человек, молчаливых, здоровых, беспрекословно выполнявших распоряжения отца Александра.

Когда молодой священник явился со своей бредовой идеей в самую столицу, добившись приема у высших церковных чинов, к нему отнеслись, мягко говоря, с осторожностью. Но он сумел убедить их.

Были среди иерархов и такие люди, что под видом заботы о церкви заинтересовались контрабандным золотом. Им отец Александр «платил дань», посылая в Москву гонцов.

В результате церковные чины дали ему зеленый свет, снабдив его соответствующими полномочиями и оказывая всяческую поддержку. В том числе и тогда, когда местные власти хотели наложить лапу на этот поселок, в котором уже жили те, кого идея создания города справедливости тронула за душу. А таких было много.

Правда, церковь глаз с него не спускала, отправив с ним ответственных и испытанных людей. Их задачей было выполнять все, что потребует отец Александр, но если это не идет во вред церкви. Главное, чтобы он не вышел из-под контроля. И пока, судя по их докладам, к нему не могло быть никаких претензий. Но были среди них и посланники от тех, кто интересовался золотом. С их помощью отец Александр добывал его и посылал дальше, в столицу. Отправляли золото небольшими партиями, чтобы риск сводился к минимуму, и с теми, кто готов был держать язык за зубами при любых обстоятельствах. То божья старушка (в чем душа держится!) ехала к внукам в столицу взглянуть на них в последний раз. То такой же старичок. И покоился среди нехитрого скарба узелок с песочком где-нибудь на килограммчик.

Каждый лишний человек увеличивал риск того, что слух о золоте выскочит за круг посвященных и преданных людей. Тогда жди крови. За золото никогда не жалели человеческих жизней. Но чтобы улажить столицу, он все время искал тех, кому мог бы доверить работать на организованном им прииске.

Всю свою деятельность отец Александр прикрывал идеями построения города для всех, города справедливости и братства, в котором не будет богатых и бедных, где старики будут чувствовать себя по-прежнему нужными, а молодым не надо будет искать применения своим силам, потому что работы тут всегда хватало.

Строили новые дома, восстанавливали старые постройки. Нравы были весьма и весьма строги. Никто из тех, кто селился под крылом отца Александра, и шага не мог сделать без его разрешения. Если кто-то говорил, что ему такие порядки надоели, то он мог идти на все четыре стороны. Только вот никто из тех, кто оставался, не знал, что всегда вслед за покинувшим поселок уходили и несколько человек из личного окружения священника. И никто не мог знать, что ни один из покинувших поселок никогда уже не добирался до города. Пропадал бесследно по дороге.

Ничто не соединяло поселок с так называемым большим миром, откуда пришли сюда жить люди. Ни почты, ни транспорта не было. Они были запрещены, как курево, спиртное, азартные игры, веселье.

– Бог любит тишину, – говорил всем отец Александр в своей небольшой деревянной церквушке. – Там, – он показывал рукой в сторону, где находился в двухстах километрах город, – вы покинули нищету, голод, несправедливость, страх перед завтрашним днем, поэтому вам больше незачем поддерживать с тем миром какие-либо отношения. Ваша жизнь, жизнь ваших детей, ваше будущее – тут!

Многие из тех, кто селился здесь, не имели за душой ничего, кроме разве что хронического алкоголизма да слабой надежды на то, что они снова смогут стать людьми. И они становились ими. Отец Александр умел подчинить себе их волю. Они начисто забывали угарные похмелочные дни и думали о водке как о самом страшном зле. Он принимал всех – и нищих, и имущих. Да, да, были тут и такие, что имели и машины, и квартиры, и деньги. Все шло в общий котел. Здесь ни машины, ни деньги нужны не были, тут некуда было ездить, негде было тратить. Все нужное привозили люди отца Александра. Постепенно поселенцы начинали считать его своим благодетелем и спасителем.

* * *

Демкин год подрабатывал наводчиком у крутых парней. Основным местом работы у него было милицейское отделение при железной дороге, где он числился сотрудником и где ему

выдали форму и табельное оружие, но платили там мало и жить на эти гроши было трудно. Еще одному куда ни шло, но когда он познакомился с такой кралей, как Натали, бабки стали необходимы. Она, узнав, где он работает, скривилась, словно проглотила лимон, но потом повела полным плечиком и сказала:

– Впрочем, не работа человека характеризует, а то, сколько он зарабатывает. Какое мне дело, где ты работаешь? Если сможешь меня содержать, пожалуйста, я твоя. Не будет денег – попросаемся. Я девушка красивая и молодая, меня другой кто-нибудь полюбит.

В первый же вечер с ней он просадил все, что получил только накануне, то есть всю месячную зарплату, и понял, что в лепешку расшибется, а бабки достанет. Хотя бы еще на вечерок и на ночь с Натали. Она подействовала на него словно сильный наркотик, от которого он поймал настоящий кайф, неведомый ему до сих пор.

Денег он не достал, не грабить же идти! Взаймы не у кого было брать. Все кого он знал перебивались от зарплаты до зарплаты, как он. Встретившись с Натали, он мрачно сообщил ей, что денег у него больше нет. Это сообщение почему-то вызвало у девушки смех.

– Не вижу ничего смешного, – буркнул он.

– Кроме того, что я девушка красивая, – сообщила она ему, – я еще умная и упрямая. Ты мне нравишься, я не собираюсь просто так от тебя отказываться. Хочешь, я познакомлю тебя с ребятами, которые знают, как зарабатывать хорошие деньги?

Демкин сразу же почувствовал подвох, запахло криминалом. Натали в это время раздевалась, собираясь заняться с ним любовью. Она была уверена на все сто, что он ухватится за ее предложение. Демкин проглотил скопившуюся слюну и согласился.

– Познакомиться можно.

А сам подумал, что и отказаться тоже можно всегда.

– Вот и молодец, – проворковала Натали уже из-под одеяла. – Иди ко мне, нищенский, я тебя пожалею, а ты потом со мной рассчитаешься.

Ребята от него много не требовали, никого не надо было грабить или убивать.

– Твое дело проверить документы, кто куда и откуда едет, что делал в городе, запомнить вагон, осмотреть багаж. И потом нам сообщить. И все дела. Ты все равно то же самое делаешь по долгу службы, но бесплатно. А мы тебе за это будем платить.

Действительно, он не раз делал такие проверки подозрительных личностей на вокзале, иногда в поезде, на электричках. «Да черт с ним, – думал он, – что я, сам, что ли, буду их трясти? Да и кто узнает, что сообщил информацию именно я? Недоказуемо. Я же не в письменном виде буду докладывать».

В основном трясли они людей с Кавказа, которые торговали на местном рынке. Деньги у тех водились. Потом Демкину пришлось пару раз по просьбе своих работодателей вывести из вагона нужного человека в тамбур. А там уже с ним разбирались.

В этот день он слонялся во время своего дежурства по перрону, был в свободном поиске. Конкретных просьб от ребят осмотреть багаж того или иного пассажира у него не было. А бабки были нужны. Натали была ненасытна в деньгах, а он никак не мог насытиться ее телом. Пару раз проверил кавказцев, но они, по всей видимости, были пустыми. Из чисто служебного рвения отправил в отделение пару проезжих бомжей, и тут его что-то остановило. Он притормозил, потер лоб, оглянулся. По перрону семенила старушенция – божий одуванчик, скромненькая, с узелочком, спешила на поезд, который вскоре должен был отправиться в столицу.

«Что-то мне эта старушка знакома, – подумал он. – Я ведь ее уже второй или третий раз вижу». И он вспомнил, почему она осталась в его памяти. Как-то раз при посадке эта старушенция никак не могла успеть к своему вагону, перрон был заполнен студентами, которые ехали куда-то чего-то строить. И вот тогда старушенция заголосила, что ей надо обязательно сесть в поезд, что у нее это, может, последняя возможность внуков повидать перед смертью, что она больна и так далее. Короче, студенты ее чуть не на руках в вагон внесли. А Демкин как

раз в тот день тоже дежурил. И запомнил. И вот опять эта старушенция на столичный семенит, не умерла, значит, силы еще есть.

«Интересно, чего она мотается за тридевять земель в свои годы? – подумал он. – Я могу понять челноков, но тут другое». И, повинувшись внезапному инстинктивному желанию, догнал старушенцию и притормозил ее.

– Гражданка, минуточку!

Старушка остановилась, увидела мента перед собой и тут же стала похожа именно на ту, что причитала, прося помочь ей сесть в поезд. Глаза, только что смотревшие разумно и твердо, стали вдруг ничего не выражающими, какие часто бывают у стариков, что собрались на тот свет.

– Чего тебе, сыночек?

– Документики можно ваши посмотреть?

– Ах, документ? Да паспорт у меня есть, вот только найти его надо, – заскулила она, роясь в сумке. – Есть у меня документ, сынок, есть, вот только не помню, куда я его сунула, памяти нет.

В это время диктор объявил, что до отправления столичного поезда осталось десять минут. Старушенция еще больше засуежилась и совсем ослабела.

– Ой, мне же на поезд, я опоздаю, вы мне помогите, сынок, я потом паспорт покажу, только до вагона доведите, я и номера-то не разгляжу, совсем перестала видеть.

– Зачем же в путь отправляетесь, – полюбопытствовал Демкин, не поддаваясь на уловки старушки, – если со здоровьем так плохо?

– А перед смертью хочу внучат в последний раз увидеть, – зашептала ему, как своей подружке, чуть ли не на ухо, старушенция. – Сон видела, что помру, вот и решила съездить.

«Текст хоть бы изменила, – думал Демкин, слушая ее разглагольствования. – Ведь лопочет то же самое, что и в прошлый раз».

– Документ-то найдите, а то не уедете, бабуля, – предупредил он ее.

Глаза у старушенции стали вдруг, как иголки, колючие. Она быстро оглянулась, увидела, что народу кругом порядочно, и заголосила тонким, вибрирующим голосом:

– Что же это делается, старому человеку не дадут проститься с внучатами перед смертью, цепляются! Не стыдно тебе! У тебя же мать есть, бабушка, ты вон лучше преступников лови, что ты ко мне пристал, нечего мне тебе дать, сама вон на последние билет купила!

Мигом вокруг собрался народ.

– И действительно, – вякнул кто-то в толпе, – чего к старушке привязался? Видно ведь, что порядочная, на вокзале полно бомжей и алкоголиков, вот их и надо задерживать.

Бабуля заголосила, почувствовав поддержку общественности. Но и Демкин завелся.

– Поступили сведения, что вот похожая старушка опустошает кошельки таких, как вы, доверчивых граждан, – сообщил он спокойно. – Обычная дежурная проверка документов. Вы что, не читали постановление нового мэра об усилении контроля на территории вокзала?

– А моральное оскорбление, которое получает честный человек, когда у него при всех проверяют, как у вора, документы, – не унимался в толпе борец за справедливость, – что вы на это ответите? Где же демократия?

– Демократия будет тогда, когда вы к нам в отделение прибежите и начнете орать, что вас обманули и обокрали.

Нашлись у Демкина и сторонники.

– Правильно сержант делает, что проверяет. Вот такие старушки нас и обманывают. Чего она, если больная, прется куда-то? Лежала бы у себя на печи и кости грела. Внучков, видите ли, ей захотелось увидеть перед смертью. А что, у внучков ног нет? Сами к бабушке не могут приехать? Проверь, сержант, проверь, не обращай внимания.

– Так, пройдемте, гражданка, – взял под локоть старушеницу Демкин, – тут дел на три минуты, отделение вон там, за углом, проверим документы, досмотрим вашу сумочку, и я лично доставлю вас к самому вагону.

Он понял, что толпа не даст ему этого сделать на перроне.

– Так ведь я ж опоздаю, сынок, – заныла старушеница.

– Я же сказал, что не опоздаете, – отрезал Демкин. Он тащил ее за собой одной рукой, во второй нес ее сумку.

– Слушай, мужик, будь ты человеком, отпусти старушку. Чего привязался? Она на поезд опоздает, – услышал он сзади голос того защитника демократии, что разорвался громче всех.

– Если надо, мы задержим отправление, – сказал Демкин, не оборачиваясь.

Когда он со старушеницей завернул за угол, в глазах у него вдруг потемнело, как будто осколки разорвались в голове. Кто-то сзади звезданул его чем-то тяжелым по голове. Пришел он в себя от звуков ударов и возгласов.

– На, сука, получай! Падаль! На нашего мента наехал! Ничего, мы тебя так отделаем, что всю жизнь на лекарства работать будешь!

Демкин открыл глаза и поморщился от боли. Голова гудела, словно церковный колокол. Он увидел, как его друзья, на которых он работал, били ногами того мужика-демократа, что защищал старушку. Били уже давно, потому что тот лежал в луже крови и не сопротивлялся. И что самое удивительное, из дежурки до сих пор никто не вышел.

«Вот так у нас всегда, – подумал Демкин со злостью, с трудом подымаясь. – Убьют, и никто не выскочит. Крики в дежурку не доносятся, а выйти лишний раз без нужды, просто так задницу от стула оторвать всем лень. Режутся, небось, в очко». С некоторых пор эта игра стала любимым времяпрепровождением у дежурных в отделении. Проигрывали друг другу по ползарплаты, а потом зверели от нехватки денег и трясли челноков. Сам Демкин в этих играх не участвовал.

– Представляешь, мы к тебе идем и видим, как эта куча дерьма тебя по голове бьет, – объяснил ему один из парней. – Ну мы его и проучили малость.

– А старушка где? – сразу же спросил у них Демкин. Ему вдруг пришло в голову, что не так уж случайно он получил по голове. Вероятнее всего, непостояная это была старушка. Чем-то они повязаны вместе, мужик и она. «Может, старушка гонец? Что-то перевозит? – мелькнуло у него в голове. – Наркотики?»

Парни, на которых он работал, давно уже мечтали накатить на такого гонца, чтобы через него выйти на более крупную рыбу.

– Наркота – самое прибыльное дело, – говорили они. – Ты нам только найди гонца, а мы уж все сами организуем, не боись, ты к этому делу причастен не будешь.

Демкин при одном упоминании о наркоте сразу же наотрез отказывался продолжать с ними сотрудничество. Слишком велик был риск получить большой срок. А в тюрьму он не хотел. Он знал, что там делают с бывшими ментами.

– Какая старушка? – переспросил кто-то из его благодетелей. – Была тут такая дохленькая, мы думали, что она от вас идет, жаловаться на хулиганство приходила, да сразу же слиняла, как мы этого стали учить.

– Да вон она семенит, – крикнул второй, показывая в сторону перрона, откуда уже вот-вот должен был отправляться скорый на столицу.

– Догнать ее надо, это ведь из-за нее он меня стукнул, – сказал Демкин, который сейчас сам не в силах был догнать даже улитку. – Что-то она везет. Уже не в первый раз засекаю ее на вокзале.

– Думаешь, то самое, о чем мы тебя просили? – ахнули парни и сразу двое ринулись за старушкой.

– В машину ее грузите, – крикнул им вслед Демкин.

– А с этим что делать? – спросил один из оставшихся. – Может, его тоже к нам в машину?

– А, – махнул рукой Демкин, щупая голову, – делайте с ним, что хотите. Это уже ваши проблемы.

Крови не было, только сразу вздулась огромная шишка. Он прикрыл ее фуражкой. Парни подняли на ноги избитого мужика и потащили его в сторону микроавтобуса «Фольксваген», на котором разъезжали. Тот слабо сопротивлялся, но, получив еще раз под ребра, притих.

В это время из двери показались два сослуживца Демкина. Они с удивлением уставились на кровь, которой был полит асфальт.

– Что тут случилось?

– Да драку затеяли ребята, а я разнимать начал, – соврал Демкин. – Так они меня угостили по голове и смылись.

– А что ты нас не позвал?

– Как же, вас дозовешься! – Демкин стряхнул пыль с формы. – Тут атомная война начнется, вы не услышите.

– Да уж, – виновато протянул один. – Неудобное место для дежурки, действительно ни звука не слышно.

– А какого черта ты полез их разнимать? – встрял второй. – Пусть бы побили друг другу морды.

– Но мне же надо было как-то мимо них пройти? – взорвался Демкин. – А они как увидели мою форму, так сразу же и переключились на меня.

– Лица хоть запомнил?

– Да где там, – отмахнулся Демкин. – Сразу так врезали сзади, что в глазах потемнело.

– Ладно, бывает, в следующий раз будешь умнее. Сходи в медпункт, проверь, может, голову пробили.

– Да вроде крови нет.

– А это тогда чья? – милиционер кивнул на асфальт.

– Это они до моего появления успели наследить.

– Серьезная разборка была. Хорошо, что только по голове дали, это не самая важная часть тела, – уже шутили сослуживцы. – Могли и по другому месту дать.

Демкин сделал пару шагов в сторону и краем глаза увидел, как втолкнули в микроавтобус старушеницу и машина отъехала. Теперь ему стало совсем спокойно на душе. Он тянул разговор только для того, чтобы коллеги не увидели машину и парней со старушкой.

– Опять, что ли, в очко резались? – спросил он, меняя тему разговора.

– Да, там продолжают, а нас раздели. Вот решили сходить на свободную охоту, потрясти кого-нибудь. Да и план по задержанию выполнять надо.

* * *

«Нива» резво бежала туда, куда ее направляла твердая рука Малыша. Изредка он поворачивался назад к старичкам и уточнял у Алексеича дальнейшее направление. Те притихли, видимо, никак не могли поверить в то, что сегодня они достигнут поселка, в который ехали через полстраны. Хотеть-то не вредно, но порой достичь желаемого практически невозможно. Малыш сделал это невозможное реальностью.

* * *

Кочетков, устроившись действительно не бог весть в каких условиях, пару раз выходил на улицу, и все время у него, старого волка, возникало ощущение, что за ним пристально наблю-

дают. И это ему не нравилось. «Черт, я тут с тоски схохну, – думал он. – Чем-то надо заняться. А то не пить, не курить, а что же тогда делать? И баб тут, по всей видимости, нет».

Одно только утешало Кочеткова, что есть у него в кармане маленький аппаратик, чудо японской техники, при помощи которого он мог в любой момент связаться с любой точкой земного шара. Эта ниточка связывала его с большим миром, откуда он на время сбежал. Он не решился даже оставить телефон в избе, когда выходил, боялся, что в его отсутствие кто-нибудь слишком любопытный может наведаться в избу и его найти.

– У нас друг от друга замков нет, – сообщил ему тот мужик с ружьем, который провожал его в избу. – У нас не воруют. У нас нечего друг от друга запирасть. Мы все тут как родные.

«Вижу, какие вы родные, если с меня кто-то глаз не сводит. Раз за мной следят, так вероятней всего захотят и вещишки проверить, – думал Кочетков. – Мне без этого аппаратака вообще тоска зеленая тут будет». Про то, что у него с собой есть телефон, а значит, связь с миром, он отцу Александру, естественно, не сказал.

Кочеткова удивило, что народу на улицах поселка почти нет. Разве что иногда прошмыгнет кто-то – и вновь пустота. «Куда они все девались? – гадал он. – И даже детей нет. Взрослые могут на работу податься, но дети-то куда исчезли?»

Именно с этим вопросом он пристал к одному мужичку, невзрачному на вид, который вдруг неожиданно выплыл перед ним, когда Кочетков в очередной раз решил прогуляться, а точнее, побольше узнать о поселке.

– А детишки у нас есть, только они в детском саду сейчас все и в школе, – сообщил ему мужичок с некоторой гордостью.

– У вас тут что, и школа есть?

– А то как же?

– А взрослые где все?

– Так ведь на работе!

Мужичок был словоохотливый. Но по его хитрым маленьким глазенкам, ощупывавшим новоприбывшего, Кочетков понял, что он себе на уме и ничего лишнего не скажет.

– Бабы в лесу, грибы, ягоды на зиму запасают, сезон ведь, – продолжал частить мужичок. – Мужики тоже работают.

– А что они делают?

– А кто что, – увильнул от прямого ответа мужичок. – Работы у нас много, мы ведь для себя все сами делаем. Хлеб и растим, и печем, и зверя промышляем. Нам от мира ничего не надо.

– Время уже к вечеру, а никто с работы не идет, – Кочетков старался поймать мужичка. – Или у вас рабочий день все двадцать четыре часа?

– От зари до зари.

– А отдыхать когда?

– А зачем? – мужичок удивился так, словно Кочетков спросил у него про какое-то диво. – Отдыхать мы все там будем, – он указал пальцем в небо.

– Но время свободное ведь нужно, чтобы и своими делами заняться, личными? Да просто подумать?

– А зачем? – опять удивился мужичок. – От свободного времени черти заводятся в доме.

– Это кто такую мудрость выдумал?

– Отец Александр, – уважительно сообщил мужичок. – Он за нас думает теперь. Мы вот все, кто тут живет, когда сами думали, то кем были? И какая у нас жизнь была? А теперь, когда он за нас думает, у нас все есть. Никто с голоду не умирает, у всех работа, жилье, все при деле, и старый и малый. Никто не сквернословит, все друг друга уважают.

– В общем, как родные? – вспомнил слова первого мужика Кочетков.

– Да, – подтвердил мужичок, – мы все теперь братья и сестры. У нас чужих нет.

«Черт знает что! – подумал Кочетков. – Да, этот отец Александр – не простой человек! Устроил себе тут государство в государстве».

И тут, разрушая тишину поселка, на центральную, самую большую улицу вкатила «Нива». И подъехала сразу к ним.

– Как нам отца Александра найти? – вылез из машины небольшого роста щуплый парень. Кочетков разглядел, что в машине сидят еще двое, пожилые.

– А зачем он вам? – мужичок, с которым беседовал Кочетков, словно испугался чего-то.

– А ему и скажем, – парень в упор посмотрел сначала на мужичка, а потом на Кочеткова. – Как его найти?

– А нельзя его сейчас беспокоить, он в это время отдыхает, – мужичок затоптался на месте суетливо. – Я вот сейчас сбегая, узнаю, когда к нему можно будет.

– Сбегай, узнай, – парень крикнул тем, кто сидел внутри машины: – Все, приехали, вылезайте, бомжи!

Видимо, он заметил удивленный взгляд Кочеткова, и решил объяснить свои слова:

– Вот, привез новых поселенцев, обыкновенные бомжи, прослышали о том, что тут рай для них и решили сюда податься. Полстраны отмахали, чтоб добраться! Пришлось помочь старичкам, взять над ними шефство.

Тут они оба заметили, что стали объектом пристального внимания тех, кто жил в поселке. Откуда они взялись, Кочетков при всем желании не смог бы объяснить. Не было никого, а тут раз, и целый десяток появился. Среди них был и тот мужик с ружьем, который первым его увидел. Но сейчас ружья при нем не было. Что примечательно, взгляды у всех, кто обступил машину и новеньких, были одинаково насторожены и неприветливы. Они молча стояли и рассматривали гостей. Кочетков почувствовал себя весьма неудобно. Да и парень со своими «подшефными» ощутил, видимо, то же самое.

– Не рады гостям, – негромко бросил он старичкам. – Еще попрут отсюда.

По улице спешил тот словоохотливый щупленький мужичок, побежавший узнавать, когда отец Александр сможет принять новеньких.

– Идите, он ждет вас, – еще на бегу, тяжело дыша, сообщил он. И сам пошел во главе процессии к небольшой деревянной церквушке, возвышавшейся над остальными домами поселка. – Машину оставьте здесь, ничего с ней не случится, – остановил он парня, который хотел подъехать к церквушке. – Отец Александр не любит машин.

Постепенно людей на улице становилось все больше. Некоторые из них тоже присоединились к процессии. Вновь подошедшие спрашивали тихо, что за люди приехали, откуда. Но никто ничего вразумительного не мог ответить, потому что старички, почувствовав себя неловко под колючими взглядами поселенцев, молчали. Парень не хотел ничего говорить, а Кочетков вообще не пошел вместе с ними, а решил вернуться к себе в избу, опасаясь вопросов. Его удивляла настороженность жителей поселка при виде новых лиц. Словно их появление грозило какими-то неприятностями.

Отец Александр молча наблюдал за приближавшейся процессией, которая постепенно редела, жители отходили прочь, спеша по домам, словно им не хотелось лишней раз встретиться со своим настоятелем. К самой церкви подошли только лишь приезжие да два доверенных мужика.

«А они его побаиваются, – сделал вывод Кочетков, – наблюдая с крыльца избы. – Дисциплинка, как на зоне».

«Со стариками все ясно, – думал в это время отец Александр, – этим надоело мотаться без крова, да ладно, пусть. Прокормим, и дело для них найдется, а вот этому что надо? Или тоже гость типа того?» Не нравилось отцу Александру обилие непрощенных гостей. Тревожно стало на душе. Уже второй день, как он должен был получить подтверждение о последней

партии золота, отправленной с гонцом в столицу, но подтверждения не было. И это случилось впервые.

Гостей ввели в его комнату, и они замерли на пороге. Провожатые не посмели войти. Старички держались боязливо, опасались, что их действительно могут отправить обратно, чего нельзя было сказать об их молодом спутнике. Вот его-то в первую очередь рассмотрел и оценил отец Александр. «Такой из мира по собственной воле не уйдет, – думал он. А в людях священник разбирался, иначе не смог бы осилить то, что он тут создал. Давно бы слухи об истинном назначении поселка распространились среди любителей презренного металла. – Непростой молодой человек, непростой», – смотрел он на Малыша.

Старичков он отпустил быстро, выяснив, что им от него надо действительно лишь одно – чтобы оставили в поселке. Они готовы были делать все, что в их силах. Кликнув из передней одного из своих помощников, отец Александр поручил стариков его заботам, велел устроить их и определить им посильную работу. На этом их пути с Малышом разошлись.

– И что тебя сюда привело? – не стал ходить вокруг да около отец Александр. – С ними мне все понятно, – кивнул он вслед старичкам, – таких, как они, у нас много. Им тут действительно лучше живется, чем там, откуда они пришли. Но ты ведь молод, полон сил, наверняка не голодал, как они, не терпел унижений, не скитался без крова. Зачем ты здесь? Хотя скажу, что и таких, молодых и полных сил, у нас тоже хватает. Но у каждого есть своя веская причина ухода из большого мира.

Малыш тоже не стал придумывать ничего из ряда вон выходящего. «Этому мозги не запудришь, – прикидывал он, – умен».

– Не буду скрывать, хотелось посмотреть, как тут люди живут, – начал он осторожно. – Много наслышан о вас и вашем поселке. А вдруг мне тут понравится? Я тоже не люблю суету, а в мире сейчас одна суета. От этого быстро устаешь. Жизнь пролетает так, что не успеваешь заметить.

Их разговор напоминал поединок опытных фехтовальщиков, в котором оба противника относятся с уважением друг к другу.

– Понятно, – кивнул отец Александр, словно то, что сказал Малыш, его вполне устраивало. – Суета, это верно. А правила ведь у нас суровые. Не каждый сможет по ним жить.

– Я смогу, если мне понравится, – не моргнув глазом, ответил Малыш.

– Верю, – кивнул отец Александр. Тут он не покривил душой – этот парень сможет, если захочет, жить по строгим правилам поселка. – А что ты оставляешь там? Не жалко будет? Близкие, друзья, имущество, развлечения?

– У меня нет родных и близких, – сообщил ему Малыш. – К развлечениям я равнодушен, а имущество – вот, – он кивнул головой в сторону улицы, где стояла «Нива». – Все свое вожу с собой. Больше ничего нет.

«Ишь ты, про имущество заговорил, – подумал он. – Забирай машину, все равно она не моя». Про доллары, что были у него в кармане, он, естественно, умолчал.

– Машина – это весомый вклад в наше общее имущество, – отец Александр сделал паузу. – И что, больше ничего не оставляешь там?

Ему не верилось, что этот, по всей видимости, очень хваткий парень ничего не имеет, кроме машины.

– Все, что было, растерял в суете, – развел руками Малыш.

– У них, – отец Александр имел в виду старичков, – я не спрашивал о документах. Их у них нет, да их и искать никто не будет, они никому не нужны. А вот у тебя есть документы? Я не хочу ссориться с властями.

Ответ на этот вопрос был очень важен. С одной стороны, если у него есть документы, то с ним действительно не будет проблем. С другой стороны, отца Александра вполне устроило бы, если бы у этого парня не было документов. Тогда в случае, если он действительно захочет

остаться, его можно держать на коротком поводке и поручать ему не вполне обычные поручения. Например, сопровождение гонца с партией золота.

Такой сопровождающий обязан был посадить на поезд гонца, типа той старушки, не вызывающей на первый взгляд подозрений, убедиться, что гонец отправился в путь, а в столице его будет сопровождать уже другой. То, что парень не выглядит суперменом, отца Александра не беспокоило. Священник сразу понял, что тот физически крепок, и умеет постоять за себя. Об этом говорила его независимая манера поведения. Он не боялся. А если человек боится, то как бы он ни петушился, это сразу видно.

– Сейчас у меня нет документов, – Малыш тонко прочувствовал ситуацию и не стал говорить ни «да», ни «нет». – Но если понадобится, они у меня будут.

– У тех, кто тут живет, нет тайн друг от друга, и в первую очередь от меня, – отец Александр вопросительно смотрел на Малыша.

– А у меня нет ничего, что надо скрывать.

Малыш не отвел своего взгляда, он даже улыбнулся.

– У нас все верующие.

– Я тоже буду верить.

– Из поселка нельзя отлучаться без ведома моего и моих помощников.

– А куда мне отлучаться? Если понадобится, я поставлю вас в известность.

– Ты решил остаться сразу или тебе надо время подумать и присмотреться? – отец Александр понял, что дальнейшая беседа большого толку не даст, парень скрытный. У него нет документов и вряд ли будут, возвращаться обратно ему не хочется, все-таки от чего-то он скрывается. А значит, есть возможность его зацепить, приручить и использовать.

На все нужно время. Но для того, чтобы занять надежного человека, времени не жалко. Все равно, если парень останется здесь, обратного пути у него нет. Так просто из поселка посторонних людей отец Александр не выпускал. Все они пропадали без следа.

– Присмотрюсь.

– Хорошо, будешь нашим гостем, – кивнул отец Александр. – У нас уже есть один гость, который тоже присматривается. Вы будете жить вместе. Отдельного дома мы не можем предоставить каждому.

– Мне без разницы, – пожал плечами Малыш.

– Тебя проводят туда.

– А машина?

– Пока ты не с нами, она твоя. Пусть стоит за домом. Только ездить тебе на ней нельзя, разве что раздумаешь оставаться. Тогда вернешься на ней обратно.

Когда Малыш уже выходил из комнаты, сзади он услышал какой-то звук, знакомый и явно не имеющий никакого отношения к церквушке. И уже на улице понял, что это был звук спутникового телефона. Кто-то названивал священнику.

«Ничего себе, – подумал он. – А говорили, что никакой связи с миром. Однако с миром святой отец общается».

* * *

Еще на вокзале у него отбили все бока, а когда привезли за город, где была база, добавили еще. Мужик верещал от боли, получая удары ногами, но ничего конкретного ответить не мог. Твердил, что ему было поручено сопровождать старушку на вокзал и проследить, чтобы она спокойно села на поезд до столицы. На этом его функции заканчивались.

– Что она с собой везла?

Удар по ребрам.

– Не знаю, клянусь, не знаю! – орал мужик.

– Откуда ты ее вел?

Удар по голове.

– Мне сказали, чтобы я встретил ее в городе, возле рынка и оттуда проводил на поезд.
Ой, убьете!

– Это в первый раз или ты до этого еще кого-то провожал?

Удар по почкам.

– Говори правду, а то действительно убьем!

Удар по животу.

– Провожал, провожал, один раз ее, два раза старика!

Парни уже знали, что у старушенции в сумке был спрятан мешочек с золотом, ровно два килограмма. Теперь они проверяли, знал ли об этом сопровождающий и откуда она везла золото и куда. Старушенция оказалась упряма и ничего не говорила. Лишь крестилась, что-то шептала или молчала, уставившись в одну точку, плотно сжав в тоненькую ниточку бескровные губы. Оказалась она и не такой дохленькой, сил в ее сухих ручонках было еще довольно. Чуть вырвали сумку. Но бить пока не били, как-то рука не поднималась. Оставили на время, взялись за мужика.

Когда-то, совсем недавно, эти парни работали под мудрым руководством Кочеткова. Но постепенно они почувствовали смену власти: не было так называемой крыши, никто не требовал от них отчетов. Они поняли, что там, наверху, происходит передел сфер влияния, кто-то кого-то съел и пока до такой мелочи, как они, дело не дошло. Вот они и распоясались, стараясь успеть до того момента, пока новая метла начнет по-новому мести, сорвать побольше бабок. И вдруг ну просто мечта поэта – золото! Два кило – не та сумма, с которой можно сваливать за бугор и жить припеваючи. Но вот если раскрутить до конца эту старую перечницу и найти место, откуда она его везла, тогда уж они свое возьмут!

– Прижми ему то, что между ног болтается, сразу все расскажет, – кивнул в сторону лежащего на полу мужика один из допрашивающих.

Мужик услышал это предложение и застонал. Кричать у него уже не было сил.

– Хорошая идея.

Исполняющий обязанности палача подошел к мужику и наступил ему тяжелым ботинком между ног. Причем давил постепенно, наблюдая за реакцией.

– Ну что, вспомнил что-нибудь?

– Я больше ничего не знаю, – плакал мужик. – Клянусь покойной мамой, не знаю! Мне по телефону звонили и предупреждали, когда надо посадить на поезд, и называли место, где встречать. Ааааа!

Глаза у него вылезли из орбит от боли и крика. Парень додавил до конца, потом, когда мужик потерял сознание от боли, плюнул на него и отошел.

– Ничего он больше не знает, – сказал он. – Ни один мужик, когда ему давят на эти штуки, не выдержит, расколется.

– Куда его? – спросил один из парней. Всего их было четверо.

– Как куда? А ты что, не знаешь? На удобрения. Или предлагаешь подлечить и отпустить?

Судьба мужика была решена. Теперь они собирались серьезно взяться за старуху. Но когда вошли в комнату, где она была заперта, то увидели весьма нелицеприятную картину. Старушенция висела на пояске. Видимо, зная, что рано или поздно возьмутся и за нее, а крики мужика были слышны хорошо, она решила облегчить свою участь и отправиться на тот свет без таких мучений, как он. А заодно и тайну золота унести с собой в могилу.

– Японский городской! Надо было связать ее, – запоздало сказал один из бандитов.

Парни поняли, что потеряли ниточку, которая могла привести их к золотоносной жиле. И очень расстроились.

* * *

В избе, где поселили Кочеткова, было три комнаты. Одну он занял сам, а вторая досталась Малышу. Третья была вроде общего зала. Там была большая печь с лежанкой. Ее как раз и рассматривал Кочетков, когда вошел Малыш.

– Кажется, мы будем соседями по гостинице, сказал он. – Если вы не будете возражать.

– Я тут не хозяин, а гость, возражать не буду, – Кочетков узнал парня из машины, который привез сюда двух стариков. – Сергей Федорович, – представился он, протянув руку. В какой-то мере он был рад тому, что в этой огромной избе будет жить не один, к тому же он сам видел, что парень недавно приехал, то есть человек со стороны, а не подсадная утка.

– Малыш, – просто представился ему Малыш. – Так меня все знакомые звали. А на самом деле Антонов Алексей, – назвался он именем одного из своих знакомых, который вот уже три года как лежал в могиле.

– Ну что ж, Малыш так Малыш, – кивнул ему Кочетков. – Я вот в этой комнате расположился, можешь занимать ту. Куришь?

– Нет.

– Тебе легче, а я вот курю, но приходится терпеть, выполнять их правила. Пьешь?

– И не пью, – рассмеялся Малыш, осматривая комнату, в которой ему придется жить в ближайшее время.

– Если бы я не видел, что ты приехал сегодня, то подумал бы, что ты тут уже не один год живешь.

– А вы? Давно тут?

– Я? Да нет. Тоже только сегодня приехал.

* * *

Звонок был из столицы. Отцу Александру сообщили, что один из его гонцов, перевозящих мелкими партиями добытое золото, не прибыл. Его встречали на вокзале, как положено, но в поезде его уже не было. Речь шла о той старушенции, которая повесилась, предпочтя смерть пыткам.

Такое случилось впервые, и отцу Александру было о чем подумать. В то, что гонец мог присвоить себе золото и просто исчезнуть, он не верил, отбросил эту версию сразу же. Старушенция была готова жизнь отдать ради отца Александра (что она и сделала, но он об этом пока не знал). И проделывала путь отсюда до столицы уже не в первый раз. Именно для таких, как она, он в первую очередь являлся новым мессией, пришедшим на землю навести порядок. Она свято верила в то, что он проповедовал.

«Возможно, простая случайность?» – думал священник.

В этом мире ничего идеального не бывает. Даже такая хорошо отлаженная система доставки, которую он придумал сам, может дать сбой.

У него были свои люди в городе, и он сразу же дал им задание проверить, не задерживали ли правоохранительные органы за эти дни старуху. Если это так, то, учитывая ее груз, информация о ней должна просочиться наверх. Не каждый день попадают старухи с золотом в узелке. Распорядился он также проверить все городские больницы и морги. И найти того сопровождающего, который должен был проследить за старухой, посадить ее на поезд.

«Понятно, что с этим золотом можно попрощаться, – думал он. – Но главное – это определить, случайность или что-то иное помешало ей проделать тот путь, который был проделан уже не раз. Если случайность, то бог с ним, с золотом, у старухи и было-то всего два кило-

грамма. А вот если кто-то нащупал эту цепочку и теперь попытается выйти по ней на меня, тогда хуже».

* * *

Сдать золото в это смутное время было и легко, и трудно. Желавших вложить бабки в золото, которое всегда в цене, было много. Парни не торговались, когда сдавали его. Но сам факт того, что в городе всплыла партия золотишка, явно добытого где-то недалеко, не остался незамеченным. Тот человек, который купил его, проговорился еще кому-то. И парней стали искать. Ведь они не были самыми крутыми в городе. Так, мелочевка, кормившаяся за счет челноков. Вот если бы они по-прежнему работали под крышей своего крестного папы, исчезнувшего Кочеткова, тогда никто не посмел бы на них наезжать. Их вычислили быстро.

Новый мэр привел с собой и новую команду. Поскольку все они были не местные, а пришлые, беречь город, как тому же Кочеткову, им не было смысла. Они знали, что не останутся здесь надолго, поэтому не стеснялись в выборе средств. Главное – наложить на все лапу и качать бабки.

Заправлял всем человек из команды мэра, его советник, представитель новой волны, взлетевший на беспринципности и жестокости поступков и методов. Если кто-то вставал на его пути, то он, ни минуты не сомневаясь, убирал его. На какие-то переговоры, компромиссы, соглашения он не шел.

– Кто не подо мной, тот не со мной, – шутил он, перефразируя известное выражение.

Кроме жестокости в поступках, отличался он от таких, как Кочетков, высшим образованием, умом и связями с политиками. Команду подбирал из таких же людей, как и он сам. В основном это были бывшие спортсмены, оставшиеся не у дел, военные, чья участь была такая же незавидная, как и у стареющих спортсменов. Людям нужны были деньги, чтобы кормиться, кормить семью, но они ничего не умели делать, только бить и стрелять. Они и составляли охрану нового мэра.

Местным тот не доверял. Даже милиции, подозревая, что те его могут продать в любой момент. Поэтому с появлением в городе этой команды и пошел гулять беспредел. За глаза все звали этого «советника» мэра Нероном. Видимо, из-за сходства характеров.

– Я вас голодными никогда не оставлю, – говорил он своей команде. – Но уж и вопросов не потерплю. Раз я сказал – значит, вы делаете. Что, почему, это вас не касается. За все отвечаю я.

Но отвечать за все (или хотя бы за что-нибудь) Нерон не собирался и ловко отводил от себя подозрения. На него так ни разу и не смогли повесить ни одно дело, хотя замешан он был во многом. То не хватало доказательств, то заступались высокие покровители.

Золотишко у парней скупил оптовик, который потом стал толкать его мелкими партиями. Все это напоминало брошенный в воду камень, от которого во все стороны начинают расходиться круги.

Нерон со своей командой оккупировал несколько дорогих номеров в самой лучшей гостинице города, причем оплата шла за счет мэрии. Сам жил в двухместном люксе, в котором останавливались обычно самые крутые гости. Стоило это удовольствие местному бюджету ежемесячно круглую сумму, и Нерону с командой надо было оправдывать перед шефом эти затраты. Поэтому ежедневно он наносил визиты в офисы представителей местного бизнеса, недвусмысленно предлагая им «помочь средствами» новому мэру. Ведь тому тоже надо было хотя бы первое время пускать пыль в глаза основной части населения, так называемой толпе, и повышать уровень их жизни.

Нерон умел вытрясать деньги. Но добровольно делиться соглашались не все. Кто-то действительно не мог, кто-то не хотел принципиально, потому что Нерон не связывал себя четкими правилами игры, как это делал до него Кочетков. Мало того, тот же Кочетков помогал

иногда решать многие чисто деловые вопросы. А Нерон, заставив заплатить, оставлял за собой право вернуться за деньгами еще раз. Если следовал отказ, он посылал своих парней. И те уже «отказника» основательно обирали. К тому же в городе постоянно росло число мелких рэкетиров, которые, почувствовав, что настоящего хозяина нет, оседлали почти все ларьки, добрались и до крупных предпринимателей и обложили их дополнительным налогом в свою пользу. Этого при Кочеткове не было.

– Где взял? – Нерон смотрел на рассыпанный перед ним на столе золотой песок, среди которого поблескивали мелкие самородки.

– Да пришлось немного проучить тут кое-кого, – напротив Нерона сидел массивный парень килограммов под сто, бывший борец. – Ювелира, что нагрубил тогда. Начал плакаться, что денег нет, заказов нет. А у самого в сейфе вот это лежало.

– И все?

– Да ничего больше стоящего не было. Безделушки. Припрятал. Но мы его на первый раз предупредили, сказали, что через неделю опять заскочим.

– Смоется.

– Нет, он жадный, ему тут слишком много придется бросить. Дом, мастерская, салон. И потом, это же криминал, – парень кивнул на золото. – Незаконно приобрел.

Чего еще всегда придерживался Нерон в подборе кадров – так это чтобы человек, которого он брал, не был тупым костоломом, чтобы у него еще и котелок варил. Сидящий напротив борец как раз обладал такими качествами.

– Я ему, кстати, намекнул на это, – добавил он. – Сказал, что если собирается исчезнуть, то запросто объявим официальный розыск.

– Это ты хорошо сделал, – удовлетворенно кивнул Нерон. – Надо узнать, где он его купил. У кого. Найдите снабженца, потрясите его как следует. Пусть поделится информацией.

– Как только что-нибудь выясним, сразу же дам вам знать.

– Давайте, шевелитесь, шеф постоянно требует бабки, говорит, что мы не оправдываем его надежды. Шума и жалоб много, а толку мало.

Шефом Нерон называл мэра, он постоянно напоминал своей бригаде, что они работают не столько на него, сколько на мэра и что их благополучие зависит в первую очередь от количества денег, добытых на прихоти мэра. То, что солидная часть денег оседает у него в кармане, Нерон, естественно, умалчивал. Главное, вдалбливал он им, все они в команде мэра. Все, что делается – на благо мэра. Мэр заказывает, мэр прикрывает. Он их благодетель, работодатель, крыша от всех опасностей. И если в будущем ситуация вдруг резко изменится, сам Нерон будет в стороне, в тени, на переднем плане все время будет имя мэра. Недаром же Нерон любил консультироваться с теми, кто основательно изучал психологию.

* * *

На новом месте, это знает всякий, спится или хорошо, или не спится совсем. Ни Кочеткову, ни Малышу не спалось. Оба лежали в своих комнатах, делая вид, что спят, чутко прислушиваясь к тому, что делалось вокруг. Окна были открыты настежь, в избе было жарко, снаружи тонко пищали армады комаров, но и Кочетков и Малыш решили лучше терпеть их писк, чем духоту. В комнаты комары не проникали – окна были заделаны противокмаринными сетками.

Ни Малыш, ни Кочетков не могли быть уверены на все сто процентов в том, что место, куда забросили их обстоятельства, гарантирует им полную безопасность. Но если последний не спал, так как привык к тому, что вокруг него постоянно пасется личная охрана, то Малыш, привыкший за последние месяцы к постоянной роли дичи, которую вот-вот достигнут охотничьи псы, не спал от того, что впервые за столько дней не надо было опасаться выстрела в

спину. Именно в такие минуты, когда не надо было напрягаться в ожидании нападения, он мог позволить себе хоть немного проанализировать все, что с ним произошло.

«Черт, сколько же мне придется в этой дыре отсиживаться? – с тоской думал Кочетков. Мучительно хотелось курить. – Надо что-то самому предпринять, подтолкнуть события таким образом, чтобы там, в городе, вспомнили обо мне, как о спасительной соломинке. Мне нужна информация о том, что там происходит, но надо дождаться звонка Антона, самому пока не светиться. Если меня ищут, могут вычислить, откуда звонок. Ведь и Антон может быть под колпаком, если дознались, что он на меня работал. А вот кому из старых дружков позвонить в столицу, чтобы перетянуть на свою сторону? Не надо было мне тогда горячиться. Мог бы спокойно отказаться от этого места, дали бы другой кусок. Может, не такой жирный, но мне бы хватило».

– Хрен вам! – прошептал он. – Я этот город создавал, я убрал из него всех, кто не хотел жить по закону, я навел в нем порядок! Я создал такую обстановку, что бабки можно было качать, не напрягаясь. И оставаться вполне уважаемой в глазах обывателя личностью. Так что я не отдам вам просто так этот город!

Мальш тихо соскользнул с кровати, не выдержав испытания мягким матрасом, тяжелым, нелетним, одеялом, огромной пуховой подушкой. Прислушиваясь, попытался определить, спит его сосед или нет. Ничего не услышав, по-кошачьи мягким неслышным шагом двинулся к выходу. В полумраке он видел отлично, захотелось оказаться на открытом пространстве, комаров он не боялся. Еще маленьким, странствуя с отцом из одного сибирского городка в другой с передвижным цирком, он подружился со старым китайцем-фокусником, который и научил его заветным словам, произнеся которые можно не опасаться этих маленьких кровопийц.

– Ты просто произнеси их и все, больше они не будут к тебе приставать, – говорил китаец с акцентом, так и не научившись за долгие годы скитаний по Сибири говорить чисто по-русски.

Слова были на китайском языке. И Мальш помнил, с каким благоговением он вечерами произносил их и как сразу же после этого комары, хоть и продолжали кружить над ним, переставали садиться на открытые участки тела и вонзать в него свои хоботки.

Кочетков вдруг увидел, как в проеме открытой двери промелькнул силуэт. Его сосед двигался совершенно бесшумно, даже деревянный пол не скрипнул под его ногами. Рука Кочеткова скользнула под подушку, нащупала там ребристую рукоять пистолета. Ощущение прохладного металла сразу успокоило его.

И чего ему не спится? – подумал Кочетков. – Почему я-то не сплю, понятно. А его что гложет?» Кочеткову стало интересно, куда это направился среди ночи его сосед. Он вынул пистолет из-под подушки, сунул его в карман легкой куртки, которую накиннул на плечи, и, как можно осторожнее ступая по полу, направился к выходу. Но двигаться так же бесшумно, как Мальш, ему не удалось. То пол скрипел, то плечо ударилось о косяк двери.

«А ты не так прост, как хочешь казаться, – вдруг подумал он о Мальше. – Простые рядовые человечки так ходить в темноте не умеют. Надо с тобой быть поосторожнее. Ты сюда, видимо, не отдыхать приехал».

Сначала Кочетков подумал было, что Мальш может быть послан по его душу, что Антон попался, не выдержал пыток и сдал его, но потом отбросил эту мысль в сторону. Если бы это было так, то его странный сосед не дефилировал бы мимо его комнаты в неизвестном направлении, а сразу попытался бы убрать Кочеткова.

«Да и слишком мало времени прошло после моего исчезновения из города, – продолжал анализировать происходящее Кочетков, на ощупь отыскивая дверь на улицу. – Этот парень появился почти сразу же после меня в поселке со своими старичками. Нет, это не по мою душу. Но вот все-таки зачем он тут появился, неплохо было бы знать. Эти привезенные им старички-мухоморы – просто прикрытие».

Кочетков успокоился, правда, это не мешало его руке твердо сжимать пистолет. Он готов был при малейшей опасности пустить его в ход.

Малыш сразу же оценил разницу между воздухом в избе и воздухом на улице, как только оказался вне бревенчатых стен. Воздух здесь напоминал настойку из сосновых веток. Но со временем «настойка» вызывала чувство тошноты своим перенасыщенным запахом. Малыш спустился с высокого крыльца и двинулся к улице. Ему захотелось посмотреть, что представляет из себя поселок ночью. Сзади его чуткий слух уловил едва заметный шум, и он догадался, что сосед решил последовать за ним. Но говорить сейчас с кем-либо ему не хотелось, и Малыш не стал дожидаться, пока Сергей Федорович окажется на крыльце. Он растворился в темноте. Потом остановился, желая удостовериться, прав ли он.

Кочетков вышел на крыльцо. Ночь теперь, после того как глаза немного привыкли к темноте, не казалась такой уж непроглядной. Небо заполняли звезды такой яркости, что казалось, их света вполне достаточно, чтобы ориентироваться в окружающем пространстве. Но это только казалось, потому что стоило ему спуститься с высокого крыльца вниз, как он оступись и чуть не упал, больно ударившись коленом.

– Е-мое! – вполголоса выматерился он, присев от неожиданной боли, острой иглой пронзившей колено, и напрочь забыв о том, что его может услышать сосед, за которым он хотел проследить.

А Малыш стоял в это время буквально в пяти-шести метрах от него. Ему стало немного смешно и вместе с тем жалко этого мужика, который решил потягаться с ним умением перемещаться в темноте. Правда, жалость эта мгновенно растаяла, как только он увидел в руке Кочеткова пистолет, тускло блеснувший, когда тот ударился и вынужден был балансировать, чтобы не потерять равновесие и не полететь по ступенькам вниз. Рука Кочеткова не выпустила оружия, вцепившись в него мертвой хваткой.

«Да у него ствол в руке! – мысленно воскликнул Малыш. – Интересно, на кого это он охотится вышел, уж не на меня ли? У рядового гражданина нашего общества ствола в кармане быть не может. Тем более, если он решил отойти от мирской суеты».

Понаблюдав еще немного за чертыхавшимся Кочетковым и удостоверившись, что тот не собирается продолжать ночное путешествие, так неудачно для него начавшееся, Малыш решил оставить его тут, на крыльце, и двинулся дальше, не боясь, что Сергей Федорович его увидит.

«Если он в двух шагах от себя ничего не видит, то опасаться нет смысла, – подумал он. – Но зато теперь я буду знать, где мне достать ствол, если понадобится. Далеко ходить не придется». Малыш был уверен, что без труда сможет реквизировать пистолет у своего соседа.

Он вышел на длинную улицу, вдоль которой в два ряда выстроились избы, и отметил про себя, что ни в одном окне не было света, кроме одного. Свет виднелся в окошке того дома, в котором он уже сегодня побывал днем. Там жил отец Александр.

«Не спиется почему-то святому отцу, – подумал Малыш и двинулся в ту сторону. Ему захотелось посмотреть, если удастся, чем это занят в такое позднее время священник. Тут же он кстати вспомнил и о случайно услышанном сигнале телефона. – Очень занятный попик. Что-то тут есть такое, о чем неплохо было бы узнать».

Если днем он не видел ни одной собаки, то сейчас, с наступлением ночи, то с одного конца поселка, то с другого раздавался лай. «Судя по тембру, – мелькнуло у него в голове, – каждая собачка величиной с теленка. Такой попадешься на дороге, останешься не только без штанов, но и без кое-чего поважнее».

И тут боковым зрением Малыш заметил, что он не один на улице, что совсем неподалеку от него находится еще кто-то. Бесшумно он двинулся обходным путем к тому месту, где, по его предположениям, должен был находиться этот неизвестный. Умение двигаться бесшумно в темноте помогло ему и на этот раз подкрасться незамеченным. Так и есть, чутье его не подвело. У соседнего дома, прижавшись спиной к стене, сидел на низкой завалинке мужик и держал

в руках ружье. Лицо его было повернуто в сторону той избы, в которой жили сейчас гости поселка, то есть он и Сергей Федорович.

«А ведь не доверяют тут гостям, – отметил про себя Малыш. – И очень не доверяют, раз стерегут даже ночью. А ведь куда тут сунешься, если захочешь! Не зная местности, в такой темноте. Разве что действительно попадешься в зубы местному псу. И несмотря на это, приставили круглосуточного сторожа. Занятно».

Малыш понял, что сейчас ему не следует рисковать без конкретной цели, соваться далеко от отведенной для ночлега избы и отправился обратно. Уже подходя к дому, он уловил запах сигаретного дыма и понял, что сосед не выдержал и закурил.

Кочетков, упустив Малыша, решил дождаться его возвращения и сыграть с ним в открытую, провести беседу и узнать, откуда он и что ему тут нужно. Когда Малыш вошел в дом, надеясь так же незаметно проскользнуть к себе в комнату, то сразу его взгляд уперся в светлую точку тлеющей в темноте сигареты. И понял, что придется объясняться, хотя он рассчитывал, что это произойдет гораздо позже.

– Не спится? – сразу же спросил он у Сергея Федоровича, беря инициативу в свои руки.

– Не мне одному, – ответил тот, – как я понимаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.